

Зинзивер № 3 (153) 2026

2026
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора	5
------------------------------------	---

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Дмитрий КОРНЕЕВ. Снова ночь и снова тишина. Стихотворения	6
Юлия НОСОВА. Вдали от суеты столичной. Стихотворения.	9

ПРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Наташа КИНУТАВА. Читая книгу жизни. Стихотворения.	13
Елена ПАВЛОВА. Вспышка света. Стихотворения.	17
Евгений МИНИН. Каждый новый день. Стихотворения	23
Евгений ЛЕСИН. Путь-дорога. Стихотворения.	25
Александр БАЛТИН. Ленты лет. Стихотворения	29
Надежда БАБАЕВА. Знакомое чувство. Стихотворения	30
Валерий СУХОВ. Инкарнация. Поэма о Николае Гумилёве	32
Олег ФИЛИПЕНКО. Миру так хочется верить в бессмертие. Стихотворения	36
Андрей ШУТОВ. Раскрывая душу. Стихотворения	44

ПРОЗА

Евгений СТЕПАНОВ. Алексей. Рассказ	49
---	----

ИНТЕРВЬЮ

Юрий ПОЛЯКОВ: «Я всегда помню, что написанное мною будут читать люди...» Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ	52
--	----

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

От редакции. «Жить как флейта или птица...»	59
Анастасия ХАРИТОНОВА. Стихотворения из книги «Простерла песня надо мною грозой сквозящее крыло...» (М.: Издательство Евгения Степанова, Издательство «Клуб печати», 2026) .	63

ШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. Жажда правды и права... Эссе	72
---	-----------

РЕЦЕНЗИИ

Валерий Лебединский «Повести и рассказы» (Александр БАЛТИН)	
Владимир Николаев «DostoevskyFM» (Ольга ЕФИМОВА)	79

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Мы продолжаем работать.
Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт. Родился в 1987 году в Ленинграде. Образование высшее. Автор книг: «Пускай летят, подобно стае, стихи из сердца моего», «Закаленные войной», «Они вершили Победу», «Шаг навстречу». Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века и Союза поэтов Санкт-Петербурга. Состоит в литературном клубе «Творчество и потенциал» при издательстве «Четыре», в литературных объединениях «Молодой Петербург» и «Невский берег» при Союзе писателей Санкт-Петербурга. Живет в Санкт-Петербурге.

СНОВА НОЧЬ И СНОВА ТИШИНА (Стихотворения о Великой Отечественной войне)

ВЫСОТА

Голос как будто дрожит от мороза.
Нервы натянуты. Сухость во рту:
— «Сокол», ответьте! На связи «Береза».
Срочно приказано взять высоту!

Трудная будет для них операция,
Но для победы она так важна!
— «Сокол» на связи! — ответила рация.
— Нас только семеро, помощь нужна...

Мысли отчаянно душу тревожат.
— Где ж я возьму эту помощь, родной?
Полк в окружении — он не поможет.
Справишься? Выдержишь? Ты ведь герой!

Встали бойцы и ушли в направлении
Той неприступной еще высоты.
Ну, а каким было это сражение —
Знает лишь ветер, поля да кусты...

— «Сокол» на связи! Ответьте, «Береза».
Наша взяла! Я остался в живых... —
Рация стихла. Дымит папироса.
Курит последний из тех семерых...

2025 г.

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ МЕДСЕСТРЫ

Снова ночь и снова тишина,
Только крики слышу где-то рядом.
А в глазах — обида и вина:
Не смогла я всем помочь, ребята!
Пусть не греет старая шинель
И сковал мороз мое дыхание.
Эх, сейчас бы в теплую постель
И чтоб снилось первое свидание!

Прикорну всего на пять минут.
Затихает грохот канонады.
Но сквозь сон меня уже зовут —
Это значит, ранены солдаты!

Словно птица я лечу туда,
Где, в огне и дыме задыхаясь,
Прямо у разбитого моста
Целый взвод спасти еще пытаюсь...

Спирт, бинты и крепкое словцо!
Только боль и только ожидание.
Но не дрогнет женское лицо —
Много раз я видела страдание!

Новый день, и новый бой гремит!
Я опять бегу, не зная страха.
Сердце бьется, точно говорит:
«Ну, давай! Скорее, черепаха!»

Никогда надежда не умрет —
Мы ее несем под красным флагом!
И отступит враг, и он поймет,
Что кум победы с каждым шагом!
А когда закончится война,
Вспомню, как в окопе, умирая,
Мне шептал сержант: «Ну все... хана...
Обними, сестренка дорогая...»

Вспомню тех безусых пареньков,
Что у смерти грозно вырывала!
Внукам расскажу в конце концов,
Как порою тяжело нам бывало!

И пускай они передадут
Через годы, через поколение,
Как за них мы погибали тут,
Не сдаваясь даже на мгновение...

2026 г.

Поэт. Родилась в 1979 году. В 2001 г. окончила Санкт-Петербургский Университет Культуры и Искусств. Победитель конкурса «Поэтический атлас-2018» в номинации «Карта России». Победитель Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник-2018» в номинации «Поэзия». Финалист литературно-музыкального фестиваля «Мгинские мосты-2017» в номинации «Лирическая поэзия».

ВДАЛИ ОТ СУЕТЫ СТОЛИЧНОЙ

* * *

В тревожный час метели зарябили,
Но чудится сквозь расстоянья мне:
Неопалимы в собственном огне
Пронзительные ягоды рябины.

В них будущего яркие предвестья
И зарево давно минувших гроз...
К ладони льнет рябиновая гроздь,
И я касаюсь алого созвездья —

И кажется, ничто над ним не властно:
Назло всем испытаниям и врагам,
Напасть безутешным и снегам
Оно горит неистово, прекрасно...

Да будет это пламя негасимо!
И над землей моей мерцает пусть
Рябины свет — надежда в нем и грусть,
И русская несломленная сила.

* * *

Осень. Вечер. Захолустье.
Мокрая земля.
Спят, пропитанные грустью,
Тихие поля.
Не проедет тут бездельник,
Трезв он или пьян.
У дороги только ельник,
Ветер и бурьян.
Поздней зорьки гаснет алость.
В сердце все сильней —
Нежная слепая жалость
К родине моей.

* * *

Снится сон, не отступает,
Еженощно — все одно:
Птица белая влетает
В приоткрытое окно.

То над головою вьется,
То прильнет к моей руке...
Свет небесный, лучик солнца,
Искра божия в строке.

Кто же ты?
Взамен ответа
Прогремит по дому гром.
Обернется птица эта
Молодым богатырем —
Ах! — в плечах косая сажень!
Блеск медали боевой...

Он шагнет ко мне и... скажет:
Здравствуй, мама!
Я живой!

* * *

Вдали от суеты столичной,
От городского разнобоя
Щебечут весело синички
О том, что небо голубое!

С березы птахам синехвостым
Небесный свет гораздо ближе!
А я, чтоб посмотреть на звезды,
Иду на городские крыши.

Дрожу от ветра. От озноба,
Безумно выгляжу, нелепо...
На верхней точке небоскреба
Все так же далеко до неба...

* * *

Ночь бессловесна и бледна.
Молчит, не беспокоясь,
Не отрываясь ото сна,
Огромный мегаполис.

Стоит глухая тишина —
Ни выкрика, ни вздоха...
Как будто голос спеленав,
Затихла вся эпоха.

Ни плача нет, ни смеха нет,
Ни слов, звенящих лихо...
Не человек умолк — поэт!
И всюду стало тихо.

* * *

О, непокорный мой февраль,
Неустршимый честный воин,
Где для тебя найти медаль,
Какой ты истинно достоин?

На пограничном рубеже
Стоишь, заснежен и морозен,
Ты, несмирившийся в душе
С приходом чьих-то новых весен!

О, мой неистовый боец,
Скажи, где ты берешь отвагу,
Чтоб — зная, что всему конец! —
Не отступить назад ни шагу?

* * *

Что — кому,
 а мне — травы
Принесите вволю,
Голубиной синевы
Над зеленым полем.

Что — кому,
 а мне — ветров
Вечного всевластья,
Да летучее перо
Для большого счастья,

Самых первых птичьих стай,
А в груди — наитья,
Чтоб чужой оставив край,
К дому возвратиться.

Наташа Кинугава (Наталья Баева) — поэт. Родилась в Краснодарском крае. Окончила музыкальное училище при Московской консерватории имени П.И. Чайковского и Литературный институт имени А.М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Дети Ра», «Латгальский поэтический вестник» (Латвия), в альманахах «Русский смех», «Артбухта», «Русское эхо», в антологии «День поэзии. XXI век». Автор трех поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живет и работает в Москве.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

ЧИТАЯ КНИГУ ЖИЗНИ

* * *

в маленьких настроениях
учусь ориентироваться
как в дремучем лесу
ведь в долине опять туман
где река непонятно

* * *

Как голос, как руки, как нож на столе,
Как ветер зимой, как земля по коле-
но мерзлая, твердая — ну-ка шагни!
Ты нужен мне, нужен! — как лодке огни,
Как дереву корни — покорней травы,
Глубинней воды под корнями; айвы
Нетерпкая сладость, маяк на скале...
Как голос, как руки, как нож на столе.

* * *

когда я буду уходить
с этой земли,
я возьму с собой эти домишки,
мелькающие за окном, согретые
человеческим трудом,
крохотные подстанции,
гигантские мукомольни,
поля, сжатые ливнем
человеческих слез

и шквалистым ветром
человеческих слов,
я сочиню много снов,
смешаю их с раскидистыми соснами
и возьму с собой
далеко
 далеко
 далеко

* * *

«Мертвые души сраму не имут» —
Только теперь поняла эту мудрость...
И причем тут вообще покойники?

* * *

Девчонка стоит
 у свежей могилы солдата.
Джинсы и черная куртка,
 в карманах озябшие руки.

И даром что небо в Рязани
 лазурно-медовое,
А маленькие облака —
 такие ручные.

Воробышек.
 Небо.
 Сентябрь.
А в оборванном сердце
суровые клятвы одни шевелятся
 и крылья топорщат.

* * *

читая книгу жизни
как будто забываю перелистывать страницы
вода заполняет отсеки
а я стою и не могу пошевелиться
пора
надо идти дальше
еще не поздно

* * *

Вы были вместе. Ты и он.
И вот, у речки Рубикон
Расстались. Дальше побрели
По дну речному, по мели,
Направо он, налево ты
В цветах наивной пустоты.
Куда-то оба доплелись
И он, и ты. А ваша жизнь
На том мерцает берегу —
Иголкой, найденной в стогу.

* * *

и четверг, и дождичек при мне,
и о чем же думать-горевать...
говорят, что истина в вине,
а с виной не нужно воевать.

и вину как знамя ты неси
с гордо поднятой рукой и головой,
и не верь, не бойся, не проси...
под опавшей не таись листвой.

говорят, всему теперь конец,
что дышало, билось и рвалось.
у тельца в носу полно колец,
но не рвется все же этот нос.

и пугают пчелами-ИИ,
что блестит у них на чреве мех.
среди дня бесчисленны огни:
человеку нужен человек.

и четверг, и дождичек при мне,
и о чем же думать-горевать...
говорят, что истина в вине,
а с виной не нужно воевать.

прошлое это то,
из чего ты давно уже вырос.
а я до тебя все никак
не дорасту.
ты — настоящее!..

а я вот люблю,
 когда за стеной телевизор
полночи и даже
 до самого до утра.
есть в этом какой-то,
 не то чтобы маленький вызов,
а что-то из детства —
 как руки погреть у костра...

у нас перемирие:
мы долго носили
океанские волны
в своих карманах —
теперь выкладываем!

из детей войны
 вырастает человек мира
из детей мира
 вырастают ястребы войны
из детей ра
 вырастает человек дождя
из человека дождя
 вырастает ностальгия тарковского
дети и взрослые
никогда не слышат друг друга

Поэт. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, творческого совета Международной Ассоциации Граждан Искусства (М. А. Г. И.). Автор книг стихов «Я люблю этот мир» (2009), «Восточный ветер» (2010), «Лодка» (2011), «Погоня за горизонтом» (2021), «Ковчег» (2022), «Мираж» (2024), «Секунда» (2026). Живет в Москве.

ВСПЫШКА СВЕТА

ПОИСК

будущее летит на меня
со скоростью времени
в поиске правильного слова
перестала запинаться на запятых
выражаться восклицательным
или вопросительным знаком
обрубать хвост строки точкой
просто даю мысли свободно протекать
р е к а — р е ч ь — р е ч к а

МОМЕНТ ИСТИНЫ

всего два
момента истины
рождение
когда еще нет масок
и миг ухода
когда маски сброшены
между ними лишь
согласие на главную роль
в фильме в стиле неореализм
где даже автор не знает
чем закончится последняя серия

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

перо автора
не отвечает
за написанное

* * *

святые лики
потемнели
от наших
проблем

* * *

вину
за казнь
пророка
разделили
на всех

* * *

война
начинается
внутри тебя
а что внутри
то и снаружи

* * *

жернова
времени
перемалывают
наше эго
самое трудное
быть собой

ЛАВИНА

человек
строит дороги
для того чтобы
уйти убежать уехать
начать все заново
и только снег
сходящий лавиной
через его путь
останавливает и шепчет
мечта не за горизонтом
она лежит за спиной
в твоём рюкзаке

ОДИН ДЕНЬ

один день
всего один день
проведенный вместе
с любимыми и близкими
даже если он станет повторяться
в петле времени миллион раз подряд
все равно для нас прекрасен и неповторим
каждый раз ты станешь видеть новые мелочи
не замеченные тобой в первый раз и восхищаться

ИНОГДА

иногда
чтобы не утонуть
в потоке страстей
необходимо выпить
всего лишь один глоток
из родника своего детства

* * *

судьба
похожа
на график
синусоиды
где время встреч
сменяет время прощаний

* * *

середина жизни
когда начинаешь
обратный отсчет лет
возвращаешься
к приоткрытой двери
своего начала
где чистый свет

* * *

с ума
сошедший
возвращается
в сердце

ПРЕДСКАЗАНИЯ

астрология
нумерология
расклад колоды
кофейная гуща
это просто выбор
одного варианта
из множества
к чему ты готов

НАЧИНАЕМ

начинаем ценить каждый вдох
когда нам перекрывают кислород
начинаем ощущать тело
когда оно перестает двигаться
начинаем чувствовать любовь
когда любимый уходит навсегда

ВСПЫШКА

вспышка света
внутри тебя не всегда
освещает дорогу другим
но согревает теплом
как последняя мысль
березового полена

СЧАСТЬЕ

счастливые
утро день вечер ночь
счастливые
весна лето осень зима
счастье это переход
от берега счастливого
мгновенья к берегу
бесконечного счастья
и обратно

ДОМА

смотрю на старые дома
их морщины и глаза
немые очевидцы
мелькающих эпох
люди гримируют их
иногда ремонтируют
чтобы скрыть возраст
но этот маскарад — иллюзия
по ночам дома вздыхают
вспоминая молодость
и первых заселившихся
в новые квартиры жильцов
многих давно нет
а подъезды встречают новых
так уж придумано
время жизни домов и людей
немного разное

МОНОЛОГ

жизнь
монолог
прочитанный
без репетиции
всего один раз

Поэт, прозаик, пародист, издатель. Ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». Родился в 1949 году в г. Невель Псковской области. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум. Служил в войсках ПВО (1968–1970). После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт (1976) и работал мастером, начальником цеха на Витебском заводе часовых деталей, преподавателем в средней школе. Живет в Иерусалиме с 1990 года. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ДЕНЬ

СИРЕНЕВАЯ ЖИЗНЬ

Сиреневая жизнь — сирена за сиреной,
а взрывы не страшат — за годы к ним привык,
но каждый новый день мерещится ареной,
где ты — то матадор, а то — закланный бык.
И как бы жизнь дана не разом, а в рассрочку,
когда не суждены спокойные края,
но если дописать успеешь только строчку,
то, значит, повезло, — не очередь твоя.

ЛЕЧЕНИЕ

Заболел.
Только я не тужу.
Не иду за лекарством в аптеку.
Свою личную библиотеку
Перечитывая, лежу.
Про любовь, неудачи, весну,
Стариков и лихих малолеток...
Наглотаясь микстур и таблеток —
Начитаюсь стихов и усну...

ОТЧЕГО?

Грустен лампы свет настольной.
Ночь седеет понемногу.
Строчки капаят, как слезы,
прямо с кончика пера.
Я — один на белом свете,
я тебе молюсь, не богу,
Чтоб услышала и знала,
что уже назад пора.
К нам раздор, как смерч, ворвался
вдруг, внезапно, ниоткуда.
Разлетелись, словно пташки,
всяк на веточку свою.
Быть свободным в этом мире —
просто счастье, просто чудо.
Ты поешь теперь, что хочешь,
то, что мило — я пою.
Но под утро наступает
наказанье и расплата,
Одиночество танцует
в длинном платъице до пят.
Отчего так сердцу больно,
если ты не виновата?
Отчего душе не спится,
если я не виноват?

* * *

У этой истины столетней
печальны горькие слова —
надежде умирать последней —
твердят, та истина права.
Все это верно, но тем паче
пройдешь судьбы водоворот,
надежда встретится с удачей,
а та уж точно не помрет.

Поэт. Родился в 1965 году в Москве. Учился в Московском институте стали и сплавов, служил в Советской армии, работал инженером-технологом и химиком в котельной. В 1990-м поступил в Литературный институт имени А. М. Горького. После окончания института, с 1995 года, служил в газете «Книжное обозрение». С 2002-го — в «Независимой газете», книжном приложении «НГ — ExLibris». Автор книг «Записки из похмелья» (2000), «Русские вопли» (2005), «По кабакам и мирам» (2007, совместно с Ольгой Лукас), «Недобор» (2009, совместно с Всеволодом Емелиным), «Легенды и мифы Древней Греции» (2009) и др. Живет в Москве.

ПУТЬ-ДОРОГА

* * *

Мы верим вечному разбою,
И тупо миримся с судьбой.
А есть лишь небо над водою
И есть земля, что под водой.

Глядит животное влюбленно,
Гниет до сладости хурма.
И вновь эксперты иступленно
Все спорят о сортах дерьма.

* * *

Я иду, как попало, и меня очень часто заносит,
Потому что заранее знать не хочу я маршрут.
У меня еще лето, а у вас уже поздняя осень
И не светит в окно ничего вам хорошего тут.

ИЗ ЛАО ШЭ

Волк подавится Красной Шапочкой,
Под Иудой трещит осина.
Электричка не станет бабочкой,
Потому что и так красива.

Грустно в банке лежать сардинкою,
Масло впитывая исправно.
Мир подавится и слезинкою.
А улыбкою — и подавно.

* * *

Еще, возможно, потеплеет,
Хотя не верится уже.
Лежит царевна в мавзолее
На тридевятиом этаже.

А может быть, на тридесятом.
Не зная горя и забот.
Ей не поможет мирный атом,
Никто царевну не спасет.

* * *

Она становится шире,
Не становится выше.
Пусто в ее квартире,
Замуж так и не вышла.

Она шагает на службу,
Она глядит в телятник.
Все реже готовит ужин,
А мечтает все чаще.

Она мечтает уехать
За тысячу лет отсюда.
Где нет моего смеха
И моего блуда.

Потому что не с ней смеюсь
И не на ней женюсь.

* * *

Вечер. Пятница. Бухают
Мужики у речки.
Шумно бюсты колыхают
Бабы на крылечке.

Утро. Холодно. Суббота.
Улыбаясь криво,
Мужики свою икоту
Выгоняют пивом.

Воскресенье. День погожий.
Злые бабы рядом.
От мужей воротят рожи
И исходят ядом.

* * *

Люблю я в дождь ходить пешком
По переулкам с вещмешком.
Повсюду грязь, вода и трубы,
Бутылки, фантики, суккубы.
И рыжий пес, разинув пасть,
Глядит на водную напасть.

* * *

Путь-дорога не всегда млечна.
И на воде порой обожжешься.
Никто не живет вечно.
От всего не убережешься.

* * *

Все болит болит болит
Я веселый инвалид
Сяду что ли на болид
И уеду в неолит

* * *

Когда вопросы нам понятны,
Тогда ответы адекватны.

* * *

На дворе ноябрь месяц,
Утро, XXI век.
Люди грязь ногами месят.
Так и тает первый снег.

* * *

Да, конечно, живем как-то мутно.
А ведь хочется, братцы, банально
Не трястись на разбитой полуторке,
А лежать на кровати двуспальной.

Но ведь есть своя прелесть и в коечке
Узкой, где даже не развернуться.
И проснуться с утра на помоечке
Все же радостней, чем не проснуться.

* * *

Жизнь летит, а я не летаю.
Все болит, стою на ветру.
Все цветет, и я отцветаю.
Все умрет, а я не умру.

* * *

Мы неумны, не тонки и не ловки.
И что нам тут способны предложить?
Бесплатный сыр есть только в мышеловке.
Но в мышеловке тоже можно жить.

Поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1967 году в Москве. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик — в 2007 году в журнале «Florida» (США). Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в 5 томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США. Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EvilArt». Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награжден юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почетный сотрудник Финансовой Академии при Правительстве РФ. Стихи переведены на итальянский и польский языки.

ЛЕНТЫ ЛЕТ

* * *

Сам себе и кара, и награда,
И помойка, и подобье сада.
Фейерверк, и серое болото.
Мрачный и нелепый для кого-то,
Мрачный, с бородой седой — что же?
Время, как и прочих, уничтожит.
Прочих — с кем не понял я единства.
Не творил по крайней мере свинства...

* * *

Ленты лет опоясали
Сердце, сдавили его...
Дни бывали и ясными,
Все, мол, идет ничего.
Траурны стали —
Стольких родных потерял...
Вечной печали
Крепкий состав узнал.
И опоясали ленты лет
Сердце: сильнее их нет.

ЗНАКОМОЕ ЧУВСТВО

* * *

Я не умею играть в Любовь —
Я умею любить.

* * *

Колко, больно,
Неуместно...
И порочно,
И небесно
Непонятно для чего —
Горячо люблю его.

* * *

Круговое движение —
Твой Путь,
Не поставить точку,
Не повернуть.

Невозможно выйти —
Лишь Быть... При том,
Что все это было —
И будет потом.

* * *

Вот ведь знакомое чувство
 досады...
Не от наживы,
 не от наdsaды,
Не от ученья
 и не от трудов,
А от несбывшихся тайных
 стихов.

Поэт. Родился в 1959 году в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт и аспирантуру при Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Работал учителем в сельской школе и преподавателем в Пензенском государственном университете. Член Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура», автор шести изданных поэтических сборников и публикаций в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Молодая гвардия», «Подъем», «Русское эхо», «Наш современник», «Простор», «Волга XXI век», «Аргмак», «Нижний Новгород», «Великороссь», «День и ночь», «Север», «Бийский вестник», «Краснодар литературный», «Дон», «Белая скала», «Аврора», «Дети Ра», «Второй Петербург», «Зарубежные записки», «Гостиная», в альманахах «Образ», «Гиперборей», «Литкузница», «Царицын», «Гражданинъ», «День поэзии — XXI век». Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова, Международной премии имени С.А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина, Всероссийской премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня!». Живет в Пензе.

ИНКАРНАЦИЯ

(Поэма о Николае Гумилёве)

РОЖДЕНИЕ

В Кронштадте рожден в апреле.
На Пасху было светло.
Раскачиваясь в колыбели,
Готовился сесть в седло.

Романтик и второгодник —
Об Африке он мечтал.
Смерть презирал, как сводню.
Девятый вал обожал!

В море штормило! Бездна
Звала его за окоем.
Спорить с ним бесполезно.
Всегда стоял на своем!

Бежецкий конквистадор.
Нелепый подросток — жираф.
Оказалось — стократно
Чувством шестым — он прав.

Где — солнце, а где — комета?
Не различить с земли.
Встретились два поэта
Для счастливой семьи.

Но «надо делать книгу»,
Свою выбирать судьбу,
Где шепот подобен крику,
Свирель заменит трубу.

Господом осияна
На фото семья снята:
Лев, Николай и Анна.
Под ними — войны черта!

ВОЙНА

Мир качнется от взрыва!
Дрогнет сердце в груди.
Тучей война накрыла!
Где же поэт? — Впереди.

Формируется нация
Не из цифр, а из слов.
Лермонтова инкарнация —
Николай Гумилёв.

С обликом акмеиста
В фуражке военной — слиты
«Записок кавалериста»
Георгиевские кресты.

Есть на земле поэты,
Рожденные для войны.
Новые их Заветы
Кровью обогрены.

Империя на закате
Холодеет, как пыль.
В смертельном бою не катит
Заповедь «Не убий!»

Читается как откровение,
Когда содрогнулась страна:
Сборник «Колчан» — «Наступление».
Сборник «Колчан» — «Война».

От Бога — слово Завета.
Подогнаны стремяна.
Стихотворца в поэта
Обратила война.

РАССТРЕЛ

Он не играл Мессию,
Учился слов ремеслу.
И вернулся в Россию
Напомнить про Божий суд!

Свободы облик звериный
Оскалил щербатый рот,
Клин журавлиный — клином
Стальным убивая влет.

Конквистадор в застенке.
От холода — кровь горячей.
Помилован был у стенки
По милости палачей.

Но в строй он вернулся снова
И снова взят на прицел.
«Поэта нет Гумилёва.
Есть Гумилёв — офицер».

Автору «Капитанов»
Липкий не ведом страх.
Безжалостно из наганов
Изрешетили в прах.

Умылся кровью гусарской
И в небо взмыл серафим.
С отчеканенной маской
Был «Словом» поэт храним!

Величие человека
В землю втопчет ЧЕКа...
Гумилёвского века
Расстрел — не простят века!

НАСЛЕДНИКИ

Умер не без наследников
Николай Гумилёв.
Мир спасли без посредников,
Лишних не тратя слов,

Майоров, Кульчицкий, Коган,
Шубин, Белаш, Деген.
Настоящих немного
Стихов о войне совсем.

Судья военного века —
Строгий Слуцкий Борис.
Пулеметчик Гудзенко.
Судьбы переплелись.

Первая книга — «Память» —
Лучшее, что написал.
Не может заснуть заставить
Войны нарастающий вал.

К небу вздымается море.
И уже не до сна.
Вдосталь соленого горя
Наглотался сполна.

С тоской по Руси скитался.
Ночевал по углам.
Тщетно забыть пытался
Боль контузий и ран.

Артобстрел до рассвета.
Перелет! Недолет!
Бессонница — у поэта.
Память — спать не дает!

Поэт, кинорежиссер и сценарист. Родился в 1965 году в Симферополе. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Окончил ГИТИС и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Автор нескольких поэтических сборников, поэм, романа в стихах, а также прозаических произведений. Номинант на Антибукеровскую премию (1999). Режиссер-постановщик большого числа кинокартин и телесериалов, таких как «Я думал, ты будешь всегда», «Осенний вальс» и др. До недавнего времени жил и работал в Киеве, сейчас вернулся в Москву.

МИРУ ТАК ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ В БЕССМЕРТИЕ

* * *

Последний зимний день сегодня,
двадцать восьмое февраля.
И лес стоит как бы в исподнем,
и черная кругом земля.

Но все-таки природа чувствует
уже весеннее турне,
и солнце пятнами рисует
как Левитан или Моне.

Гуляю по лесопосадке,
здесь тихо, птички вот поют,
и если думать без оглядки,
то ощущается уют.

Подумалось: в лесопосадке
я вижу истины муляж;
и для глазной моей сетчатки
оздоровителен пейзаж.

А слева трасса, сзади город,
где я живу, где все живут,
но здесь прекрасным я поборот
и вижу лишь природы труд.

И говорю я: как красиво,
невольно это говорю
и в даль бросаю банку пива,
уже в вечернюю зарю.

Но это шутка (я про пиво),
дурная шутка, соглашусь,
и все-таки кругом красиво,
люблю я киевскую Русь.

28 февраля 2023

* * *

Ребенок плачет за стеной,
а, может, во дворе, не знаю.
Мы все рождаемся с виной,
мы все живем с тоской по раю.

Кто скажет: он не виноват?
какой глупец самодовольный?
Прости же мне вину, мой брат,
я робот-автомат невольный.

И если б не покрыла раз
мой ум любовь, то я согласен, —
я б тоже жил, как Фантомас
из фильма, чей мотив неясен.

Мир разобьется, как хрусталь,
если любовь его оставит,
вот потому ребенка жаль,
что плачет, требует, картавит.

10 марта 2023

* * *

Воскресенье Вербное сегодня,
редкие на небе облака,
солнышко так светит старомодно,
словно сочиняет на века.

Не по-модернистски, слава Богу, —
ни при чем тут также постмодерн, —
солнце освещает мне дорогу —
словно Пушкин пишет к Анне Керн.

И Господь уже в Иерусалиме,
мир пред Ним одежды постилал.
Я ж иду по улице с другими,
режиссер, снимавший сериал.

Я себе купил вина и рыбы,
я себе сейчас сварю уху,
я однажды истину надыбал,
истину с подкладкой, на меху.

Но художник словно бы Башмачкин, —
истину украли на меху, —
как Акакий я бродил в горячке,
нес непосвященным чепуху.

Я к чему сейчас об этом вспомнил,
режиссер, наснявший всякий вздор,
а к тому, что подвигом Господним
покорен до слез с тех самых пор.

9 апреля 2023

СКОРБНЫЙ ДЕНЬ

Господь сегодня на Голгофу
взошел, сегодня был распят,
мир не заметил катастрофу,
у ног Его лишь те стоят,
кто распинал Его, чуть дальше
стоит бессмысленный народ,
что скоро будет в жуткой фальши
кривить в раскаянии рот
и в грудь стучать себя от плача,
распяли, мол, Его мы зря,
такая вышла беда,
пойдем, возьмем два пузыря.

Поодаль от Голгофы Матерь
стояла Господа и с ней
Мария Магдалина, в платье
как у невесты, — так больней.

Была еще одна Мария
и, кажется, ученики,
но это все периферия
и для народа пустяки.
Вот ярмарка — другое дело,
ведь завтра Пасха, Боже мой,
и все, покамест не стемнело,
спешат с покупками домой.

Никто не верил в Воскресенье,
не верили ученики,
но Бог воскрес нам на спасенье.
И, отсмеявшись, дураки
стоят и чешут свою репу:
так где начала и концы,
если наш мир подобен склепу,
раз все мы завтра мертвецы?
Тогда зачем нам эти враки,
шкафы, выходит, мертвых слов?..
Вот потому, живя во мраке,
я за Христа поверх умов...

14 апреля 2023

ВЕЛИКАЯ СУББОТА

«Жду Благодатный огонь из Израиля», —
пишет сестра эсэмэс.
Мир со времен убиенного Авеля
хочет, чтоб кто-то воскрес.

Миру так хочется верить в бессмертие,
но непостижно уму
даже когда, испытав милосердие,
смотришь уже в полутьму.

А ведь я верил, я помню мгновения,
но говорить не хочу,
это как будто на ум дуновения...
Нет, лучше я промолчу.

Кто я такой, все забыто и пройдено,
лучше со всеми постой
там, где стоит в ночь Пасхальную родина
с верой и свечкой простой.

Веры-то мало, но верить-то хочется,
что с Благодатным огнем?
Или наш мир вот сейчас скособоится,
раз он жесток и растлен?

Я в интернете ищу информацию,
я в ожидание Огня.
Сходит Огонь, я слежу за трансляцией...
Слезы в глазах у меня.

16 апреля 2023

КУРОРТНИЦА

Темы для стихов не бесконечны,
тем не так уж много вообще,
вот рассол, допустим, огуречный
или, скажем, грядка овощей.

Разве это тема? Нет, не тема.
С темой сплетаются они,
если в сад (и огород) Эдема
помещу я их в ночной тени.

Скажем, так: я после дискотеки,
звезды над моею головой,
через сердце протекают реки,
море рядом, слышится прибой.

Мне сейчас, наверно, лет семнадцать
и, конечно, я опять влюблен,
девушка, с которой целоваться
я хотел бы до конца времен,

спит теперь в брезентовой палатке,
может, целомудренно-нагой, —
я ее так ждал на танцплощадке,
хоть и танцевал медляк с другой.

Сколько было сладости в тех ранах,
когда было мне семнадцать лет!
Я носил ей огурцы в карманах,
дедушкин давал велосипед.

А когда заканчивалось лето,
и она уехала в Туву,
я хотел за ней поехать следом,
думал, без нее не проживу.

Я ее любить собрался вечно,
потому напился сильно пьян
и рассол наутро огуречный
пил, что мне налил мой друг в стакан.

Ничего бывшего не осталось,
даже пепла нет уже в горсти...
Вот и огурцов коснулся малость,
просто, чтоб пример вам привести...

24 апреля 2023

* * *

Сломалось под конец апреля
сопротивление теплу,
как будто вышли из туннеля,
мы щуримся, воздав хвалу
погоде, — вот, другое дело,
бормочем, радостно дыша,
теперь уж точно потеплело,
пойдем, пройдемся не спеша.

Все окна — настежь, двери — тоже,
в подъездах свежесть, сквозняки,
и легкий ветерок по коже
нас гладит нежно, — пиджаки
и свитера уже излишни, —
в футболке погулять — как раз,
и отцветают рядом вишни,
и зелень листьев режет глаз.

А в детстве во дворах когда-то
деревьев резали стволы, —
ага, ну вот она, цитата, —
все тот же звук бензопилы...
И словно зрители в партере,
премьеру оценив весны,
мы из других уже материй
и виденным упоены.

25 апреля 2023

СЕРЕДИНА МАЯ

Яркою салатого цвета
крона молодая тополей,
и еще полмесяца до лета —
если б был такой на свете клей,
я бы склеил времени страницы,
чтобы открывалась лишь одна,
та, в которой глубь небес нежна
словно эти девичьи ключицы.

Глубь небес так нежно бирюзова,
словно это девичья рука
нам рисует искренне и снова
все, что сердцу грезится пока.
В белых одуванчиках поляна,
все блестит от солнечных лучей, —
мир такой прекрасный и ничей —
даже это как-то видеть странно.

Странно видеть мир ненужный людям —
скучившись в большие города,
мы природу, кажется, понудим
нас трясти за плечи иногда.
Я иду по плитке тротуарной,
слева — трасса, справа — тополя,
бабочка, крылом пошевелив,
взмыла над толпой неблагодарной...

12 мая 2023

ТРОИЦА

Сошествие Духа Святого сегодня,
сегодня Апостол был каждый приподнят
над миром — наполнился ветром весь дом,
где были Апостолы, в горнице пламя
явилось и, каждого словно обрамя,
Дух Божий излился на плоть их потом.

И все изменилось для них в человеческом
понятьи, они изъяснялись наречьем
толпы разношерстной, но были смешны
народу их речи; в них смысла не видя
иные глядели почти ненавидя
и все восклицали: вы просто пьяны!..

А Пётр им напомнил слова Иоия,
пророка из древности, но, не осия
их смысл, продолжала смеяться толпа.
Но вот что сказал Иоиль: ваши дети
не будут все время в телесном, как в клетки
сидеть, а обрящат от Духа — столпа

той Истины, что изливается Богом.
С тех пор все Апостолы шли по дорогам,
езде возвещая ученье Христа.
И, думаю, часто их Дух Утешитель
к Христу направлял со слезами: Учитель!
А Истина-то оказалась проста...

4 июня 2023

* * *

Я в детство всматриваюсь летом
как будто бы в дверной глазок:
я на песке лежу нагретом,
и море бьется возле ног.

В степном Крыму в семидесятых
мне даже музыка слышна,
и вижу юношей патлатых
и девушку, что так стройна.

И тает на песке медуза,
напоминая мне желе,
и гимн Советского Союза
шумит в степи и ковыле.

На фоне голубого неба
летят над морем облачка,
и в счастье будущее слепо
я верю, маленький пока.

И живы все, кого люблю я,
и все у детства впереди:
любовь, пока без поцелуя,
и счастье, что уже в груди.

19 июня 2023

Поэт, прозаик. Родился в 1987 году в городе Шилка Читинской области. Окончил юридический факультет Байкальского экономико-правового института. Автор 13 книг стихов, составитель 2 антологий поэзии Забайкалья. Публиковался в ряде российских литературных журналов, альманахов и местных СМИ, в антологии современной лирики «Бесконечный свет» (Москва, 2020). Финалист всероссийского поэтического конкурса «Я знаю, родятся песни...», полуфиналист всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2020, 2021). Член Союза писателей XXI века. Живет и работает в родном городе.

РАСКРЫВАЯ ДУШУ

* * *

Не гадай по звездам:
они падают.

* * *

Раскрывая душу,
теряешь покой.

* * *

Молчание —
невысказанная правда.

* * *

Мама, гитара, машина —
мои самые верные
Женщины.

* * *

Зеркало — неподвижное море
В окружении берегов.
В нем тихо плавают образы —
Лодки прошлого и снов.

* * *

Наши близкие —
наша слабость.

* * *

Счастье на поверхности,
как маковка купола,
но мы смотрим вглубь...
И теряем простоту света.

* * *

Каждая мысль
ищет свой
причал.

* * *

Как мало лиц.
Как много масок:
за каждой —
страх,
крик,
тишина.

* * *

Владимир Бурич —
не мог не быть Поэтом:
с ним всегда жила
Муза.

* * *

Количество людей,
которые знают меня
на этом свете и на том —
никогда не уравниется.

* * *

Уже не мечтаю —
ни о детях,
ни о счастье.
Мне бы —
научиться
просто жить
эту —
неспешную,
слегка разбитую жизнь.

* * *

Сохрани в себе то,
что делает тебя
лучше.

* * *

Весна снова —
кошки тихо скользят по улицам,
а в парках — пары.

* * *

Не распахивай руки!
Христу это не помогло.

* * *

Берег жизни
у каждого свой.
Река не поворачивает
вспять.

* * *

Слово «Мир»:
три буквы,
один слог.
А как оно
МНОГО
значит!

* * *

Закат — на головы сосен
спускается уставшее солнце.

* * *

Ты и я
обручены
бессонницей.

* * *

Смысл — хорошо, а сердце — лучше.

* * *

Не вспоминайте прошлое:
Оно ушло.

* * *

Как смерть боится жизни,
Так и ты избегаешь меня.

* * *

Лучшее не приходит
к лучшим.
Парадокс жизни.

* * *

Твоя жизнь — кувшин.
И только тебе решать,
каким он будет:
полным или пустым.

* * *

Бабочка —
прошлое и будущее
на крыльях времени.

* * *

Пасха —
луч света
для ослепшей души.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, бард, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

АЛЕКСЕЙ

(Рассказ)

ПРОЗА

Мы проработали вместе ровно десять лет. Я директором и единственным учредителем многопрофильной (в основном издательской) фирмы, он моим первым замом.

Пришел он по объявлению в сети на должность верстальщика. Пришел сразу после армии в возрасте двадцати одного года. Это было в начале нулевых.

Парень оказался толковый, и быстро сделал карьеру, сначала стал начальником редакционно-издательского отдела, потом директором типографии, а потом и вовсе моим первым замом.

Я тогда, двадцать лет назад, много работал по рекламным (пиаровским) контрактам в разных странах, в Москву приезжал наездами. И фактически все мои дела вел Алексей. У меня были приличные доходы от зарубежных контрактов, денег на все хватало. Дела Алексей вел неплохо, но бесприбыльно. Это меня не особенно волновало, главное, что компания не закрывалась, а я мог заниматься бизнесом по другим направлениям...

За эти годы мы сильно сблизились с Алексеем, я помогал ему во всем; когда заболела его мама, через знакомых в Мэрии устроил ее к лучшим врачам, через моего родственника, который работал в федеральном министерстве, жена Алексея устроилась на хорошую высокооплачиваемую работу в структуру правительства Москвы.

И дел много хороших мы с Алексеем делали и сделали. Издали сотни наименований книг, сняли множество передач и документальных фильмов, купили офис, который Алексей потом успешно сдавал...

В нулевых вообще все было неплохо, недаром их еще называют тучными.

Был у Алексея серьезный недостаток — выпивал. Иногда мог напиться в самый неподходящий момент — когда, например, надо было срочно монтировать фильм, снятый по заказу клиента.

Но это происходило не часто — примерно раз в полгода.

А потом, через десять лет, Алексей захотел большего — ему нужен был хороший социальный пакет, он хотел улучшить свои жилищные условия, всего этого я дать Алексею не мог. И он устроился в Администрацию Президента... шофером. Получил почти все, о чем мечтал. Стал возить на шикарной машине больших начальников, взял кредит, купил две квартиры, одну из которых сдал, получил бесплатную поликлинику для себя и для членов семьи — жены и сына.

И меня не бросил. Примерно раз в неделю работал на меня за символическую плату. Платил я ему 2.200 рублей в день, исходя из того, что рабочий день длится восемь часов. Алексей занимался разными делами — оплачивал коммунальные платежи, все мои телефоны, интернет, закупал в Книжной палате ISBN для книг.

Все мое немаленькое хозяйство по-прежнему оставалось на нем.

...Однажды я позвонил Алексею и попросил его в очередной раз сказать, сколько нужно денег на коммунальные платежи — я обычно перечислял ему на карточку, а он потом уже все оплачивал.

И тут я услышал следующее:

— Я сейчас болею. Оплачивать ваши коммунальные платежи больше не смогу. Либо платите мне в месяц 20 тысяч. Мне нужны деньги.

Я ответил:

— Это для меня дорого. Ты просто сдай мне дела! Я сам буду платить, у меня еще есть сотрудница Светлана. Она тоже сможет оплачивать.

— Нет, сдавать дела не буду, я болею, сил нет, — последовал жесткий ответ, похожий на приговор.

— Что же мне делать?! — грустно воскликнул я.

— Не знаю. Думайте!

Я не стал продолжать этот бессмысленный диалог. Только сказал Алексею, что я все понял и пожелал ему всего наилучшего.

Конечно, я недоумевал: ну как же так, мы столько лет вместе, и вот близкий человек оставляет меня один на один с моими проблемами, никак не хочет помочь... Разве так можно?

Но перезванивать Алексею я не стал. Никаких упреков ему не высказал. Давно уже никого не сужу.

...За два дня мы со Светланой разобрались, сколько и куда нужно платить за телефоны, интернет, за ЖКХ и т.д. Было это непросто, но мы справились.

С Алексеем я с тех пор не созванивался.

А на Новый год — 2026-й — он мне позвонил. Слегка поддатый. Сказал, что многим мне обязан, что я всегда могу на него рассчитывать.

Я отвечал максимально радушно. Заверил его, что всегда рад с ним сотрудничать, жду его возвращения. Работы на всех в моей фирме хватит.

А спустя три месяца мне позвонила жена Алексея — Елена — и, плача, сообщила, что Алексей умер.

Я был потрясен. Пытался утешить Елену. И все-таки спросил:

— Что случилось?

Она ответила:

— Ну вы же знаете... Пил он... А я не смогла его спасти.

Похоронили Алексея на Николо-Архангельском кладбище.

Так непостижимым образом получилось, что его могила оказалась рядом с могилой моего дедушки.

2026

Юрий Поляков — известный русский писатель. Родился в 1954 г. в Москве. Окончил литфак Московского областного пединститута имени Н.К. Крупской. Кандидат филологических наук (1981). Как поэт дебютировал в 1974 г. в «Московском комсомольце». Первая книга «Время прибытия. Стихи» вышла в 1980 г. в издательстве «Молодая гвардия». В 1981-м принят в Союз писателей СССР. В 1985-м с выходом повести «ЧП районного масштаба» в журнале «Юность» получает широкую известность как прозаик. Почти все его новые повести и романы становились бестселлерами: «Сто дней до приказа» (1980–87), «Работа над ошибками» (1986), «Апофегей» (1989), «Парижская любовь Кости Гуманкова» (1991), «Демгородок» (1993), «Козленок в молоке» (1995), «Небо падших» (1998), «Замыслил я побег...» (1999), «Грибной царь» (2004), «Гипсовый трубоч» (2008–2012), «Любовь в эпоху перемен» (2015), «Веселая жизнь» (2019), «Совдетство» (2021–2025).

Юрий Поляков известен также как драматург, чьи пьесы широко идут в театрах России и за рубежом. По его произведениям снято 11 фильмов. Соавтор сценария фильма «Ворошиловский стрелок» Станислава Говорухина.

С 2001 по 2017 год возглавлял «Литературную газету». Выпустил ряд книг публицистики: «От империи лжи — к республике вранья», «Государственная недостаточность», «Россия в откате», «Лезгинка на лобном месте», «Перелетная элита», «Раздрапируйте Мавзолей» и др.

Лауреат многих премий. Среди них: Ленинского комсомола (1986), Государственная премия РФ (2024), «Слово» (2025, 2026).

В этом номере журнала Юрий Поляков отвечает на вопросы Евгения Степанова.

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ: «Я ВСЕГДА ПОМНЮ, ЧТО НАПИСАННОЕ МНОЮ БУДУТ ЧИТАТЬ ЛЮДИ...»

— Журнал «Зинзивер» выходит в Петербурге более двадцати лет. Долгое время главным редактором этого издания был мой друг, очень хороший прозаик Владимир Шпаков. И мы печатали много прозы. Сейчас, когда Володя отошел ко Господу, главным редактором опять стал я, и печатаем мы сейчас в основном поэзию (это мне ближе), но интерес к современной прозе все-таки сохраняется. И я хочу с Вами поговорить, уважаемый Юрий Михайлович, именно как с прозаиком. Что главное для прозаика? Какими качествами должен обладать писатель?

— Не буду оригинальным, если скажу: прозаик должен обладать талантом, который дается от рождения, его можно развить, довести до совершенства, а можно погубить, пропить, продать, но никакие литинституты не заменят его изначального отсутствия. Понять в начале пути, есть ли у тебя талант важнее и труднее всего. Прозаика, на мой взгляд, делают: три чувствительности, данные от природы, один особый дар и навык. Первая — это особая вербальная чувствительность, настоящий писатель в отличие от других воспринимает слово гораздо тоньше, во всей полноте семантических оттенков и накопившихся смыслов. Вторая — это этическая чувствительность, обостренное восприятие добра и зла, моральных искажений жизни и, конечно, той духовной проблематики (не обязательно религиозной), которая волнует людей. Третья — это социальная чувствительность к несправедливости устройства общества. Четвертое: это дар рассказчика. Тоже природный. Пятое — навык к творческому труду. Если эти пять компонентов сходятся, мы получаем большого писателя. Главная беда современной прозы в том, что ее сочиняют в основном авторы, лишенная первой, базовой способности — вербальной чувствительности. Да и остальных необходимых составляющих тоже у них нет или по минимуму. Но главное — нет первой, вербальной чувствительности. А без нее заниматься литературой то же самое, как пробиваться в композиторы, не имея слуха... Лично мне эта глухота к слову становится ясна с первой страницы, и я откладываю такую книгу, чтение не имеет смысла и цели.

— Кто для Вас бесспорные авторитеты в русской и мировой прозе?

— О, это длинный список! Назову лишь некоторые русские имена: Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Герцен, Лесков, Толстой (оба), Писемский, Крестовский, Чехов, Булгаков, Платонов, Шолохов, Катаев...

— Что делает прозаика великим?

— Об этом я сказал выше: наличие, совокупность трех чувствительностей, дара рассказчика и навыка к литературному труду.

— Ваша проза не только поэтична, но и афористична. И вообще, когда Вас читаете, чувствуется плотность языка и понимаешь, что это пишет поэт. И, вместе с тем, Ваша проза всегда реалистична, в ней много чувств и чувственности...

— Знаете, есть исследование (его можно найти в Сети), автор с помощью математической методы провел анализ современной прозы на предмет афористичности. Так вот, могу с плохо скрытым удовлетворением сообщить, что по частоте афоризмов в тексте я стою на первом месте, а за мной следует Виктория Токарева. Что же касается «поэтичности прозы», напомним: почти все серьезные прозаики начинали как поэты, и, понятно, они, перейдя в другой жанр, сохранили поэтическое чувство слова в его многозначности и зависимости от контекста и подтекста. Если прозаик не прошел школу стихотворения, это сразу видно с первого абзаца. От таких авторов серьезных прорывов в творчестве я, честно говоря, не жду. Еще для прозаика важна наблюдательность и памятьливость на подробности жизни. Реализм — это иерархия деталей, создающая в сознании читателя целостную картину мира. Что касается чувственности, то русская литература (потаенная не в счет) довольно долго была слишком целомудренна по многим причинам в отношении того, что касается плотской стороны любви. После прорыва «к телу» в годы Серебряного века и первого десятилетия советского периода снова наступили времена вынужденной сдержанности, взорванной похабной вседозволенностью конца 20-го и начала 21-го веков. Однако была традиция русского зарубежья — Бунин, Набоков... Однако, когда запреты пали, наша проза пошла не по «темным аллеям» Бунина, а по освещенным красными фонарями проулкам Виктора Ерофеева, Сорокина, Веллера... Я же, начиная с повести «Апофегей» (1989), пытался развивать эротическую тему, оставаясь в рамках приличий. Всегда был против матерщины и физиологизмов в текстах. Уверен, если ты хорошо владеешь словом, то самые, кажется, «непечатные» подробности интимной близости сможешь передать, не впадая в похабщину. Отсылаю к моим романам «Небо падших», «Замыслил я побег...», «Грибной царь», «Гипсовый трубач», «Любовь в эпоху перемен», «Веселая жизнь, или Секс в СССР». Особо рекомендую в этом смысле мой новый роман «Дедушка влюбился»...

— **Вы когда пишете, Вы хотите понравиться читателю?**

— Нравиться? Не то слово... Нет, скорее, я всегда помню, что написанное мною будут читать люди, и это должно быть им интересно. Причем, людям самого разного интеллектуального и культурного уровня. Занимательность — это вежливость автора. Писатель, забывающий о своих будущих читателях, напоминает мне портного, который шьет для манекенов, пылящихся в чулане, а не для живых людей.

— **Василий Павлович Аксёнов мне как-то раз сказал про одного американского писателя: «Он пишет бестселлеры, но их никто не покупает...». Это была, конечно, горькая шутка. Но сейчас действительно идет снижение интереса к печатной книге. Что Вы думаете по этому поводу?**

— Василий Павлович сам был в этом смысле не без греха. Но тут многое зависит от того, что считать бестселлером. Когда я возглавлял «Литературную газету», мы регулярно печатали рейтинги продаваемости, пользуясь статистикой, предоставляемой нам сетью «Московского дома книги» (около сорока магазинов), которую возглавляла тогда Надежда Михайлова. Так вот, однажды лауреат премии «Национальный бестселлер» (помните, была такая) поднял скандал: «Этого не может быть, что у меня за год продано всего три книги!» Ему показали отчетность, он был потрясен и умолк, вроде бы, навсегда. Понять, насколько популярны твои книги, довольно легко, если ориентироваться на авторские отчисления от продаж. Бухгалтерию не обманешь! Да и наполняемость залов во время встреч с читателями — тоже хорошее подтверждение востребованности литератора.

Не думаю, что читать стали меньше: есть Интернет, есть электронные версии, а вот покупать книги в магазинах, в самом деле, стали реже. Им трудно конкурировать с интернет-торговлей из-за непосильных налогов. Если бы государство гнобило табачные лавки с таким же усердием, как книжные магазины, то у нас давно бы никто не курил. А читать продолжают...

— Ваши книги — во всех магазинах. Вообще, я считаю, что в нашей стране писателей человек двадцать, не больше. Вы, Виктория Токарева, Виктор Пелевин... Это те писатели, которые пишут добротную прозу и живут литературным трудом... Про авторов детективов я сейчас не говорю. Лет десять назад делал интервью с талантливым и даже популярным Романом Сенчиным, спросил у него: «Вы живете литературным трудом?» Он ответил отрицательно. Можно ли каким-то образом оздоровить литературную ситуацию?

— Для того, чтобы жить на литературные доходы, нужно увлекать читателя, а Сенчин для этого слишком тосклив, хотя и талантлив. Знаете, есть такой тип скучной талантливости, у таких авторов есть свои поклонники, но они обычно немногочисленны. А поправить дела можно. Писателя надо возвращать на телевидение. Но сейчас на ковре в эфире постоянно кувыркаются лишь два брата-акробата — Шаргунов и Прилепин. Маловато... Надо не закрывать, а, наоборот, открывать книжные магазины, наделяя их всяческими льготами и превращая в читательские клубы. А в Москве книжных магазинов стало в десять раз меньше, чем в Париже, например. Иногда я попадаю на премьеры своих пьес в города, где уже нет ни одного книжного магазина. Представляете, театр, а то и два-три, имеется, а книги купить негде. Наконец, напомним: у нас в стране библиотек, подведомственных Минкульту, профсоюзам, военным и т.д., около 80 тысяч. И всем им выделяются очень приличные средства на обновление фондов. На что они чаще всего тратят эти деньги, порой стыдно даже вымолвить! Если правильно сориентировать эти библиотеки и снабдить их адекватными рекомендательными списками авторов, ориентируясь на талант, а не на премию «Большая книга», тиражи достойных литераторов подскочат на порядок, как минимум. А это уже другая жизнь, другой охват читателей, другие заработки...

— Когда была АСПИР, я сказал Юрию Козлову (он тогда там работал): «Передай Сергею Шаргунову мою идею — создайте бесплатную столовую для писателей, и это будет реальная помощь...» Все остальное похоже на бутафорию.

— На те средства, что получала АСПИР от государства, можно было создать сеть бесплатных столовых (с дармовой выпивкой) для писателей по всей стране, но они решили возводить дорогие воздушные замки под красивым названием «резиденции». Власть понаблюдала за ними, подождала, когда же, наконец, АСПИР отважится вымолвить аббревиатуру «СВО», не дождалась и велела разобрать бутафорию за ненадобностью. Вот тогда-то и возник проект обновленного Союза писателей России.

— А что сейчас? Меня удивляет один вопрос: почему власти предрержащие не создают новые журналы, новые газеты, не строят новые поселки для писателей, почему не появляются новые литературные передачи? Идет какое-то постоянное перераспределение материальных ценностей. А их и так уже осталось немного. Есть ли вообще шанс у современного писателя быть востребованным в нынешнем обществе?

— Такой шанс появился, но не все так быстро. Восстановить одним махом то, что любовно разрушали три с половиной десятилетия, не так-то просто. Сейчас идет возвращение писателям той собственности, какую еще можно вернуть: ЦДЛ, Дом Ростовых, Художественная литература, Писательская лавка на Кузнецком, Переделкино, Комарово, Коктебель... «Литературная газета», «Москва», «Роман-газета» снова становятся органами Союза писателей, а это уже немало! Остальные, вроде «Нового мира», видимо, хотят дотаций и свободы по методичкам, как при Соросе... С возвращением литераторов на радио и ТВ все не так просто, это очень закрытые структуры, на их программную политику влиять довольно трудно даже госорганам, сам наблюдал, когда там работа. На ТВ очень сильные либеральные колонны. Для наглядности вообразите восьмиколонный фасад Большого театра. Так вот, на ТВ семь из восьми колонн — либеральные. Есть и пятая — русофобская. Но, думаю, учитывая, что во главе СПР теперь помощник президента В. Р. Мединский, и эта задача решается. Надеюсь, и воссоздание Бюро пропаганды литературы — тоже вопрос времени. Возможно, я слишком оптимистичен, но, поверьте, то, что уже сделано, дает основания для надежд, ведь, вспомните, еще два года назад перспектива таких перемен показалась бы ненаучной фантастикой. Сколько лет говорили о необходимости возвращения писательства в реестр профессий. Без толку. И вот — сделали.

— Вы много работаете для театра, для кино... Что труднее написать — повесть, роман или сценарий, пьесу?

— Все зависит от дарования. Есть чистые прозаики: Лесков... Есть чистые драматурги: Островский, Найденов, Вампилов... Но чаще встречаются авторы, успешно совмещающие эти оба жанра: Чехов, Андреев, Горький, Булгаков, Леонов, Катаев, Рошин... Хорошую пьесу можно написать проще и быстрее, чем хороший роман, но ее гораздо труднее придумать.

— Вы в литературе более 50 лет... Изменился ли читатель за эти годы?

— Изменился. Слой умных, образованных, внимательных читателей, конечно, не исчез, но стал гораздо тоньше. Сильно поубавилось число тех, кто понимает и ценит авторскую работу со словом, получает удовольствие от мастерства. А самовыразиться в искусстве можно только через мастерство, и никак иначе. Массовый читатель стал доверчивее, прощает авторам косноязычие, невежество, легче ведется на совершенно беззастенчивую рекламу и премиальные лохотроны, вроде «Большой книги» и «Ясной Поляны». Но генетика Великого Советского Читателя еще жива в его слабых потомках и последышах. Еще все поправимо, если есть понимание задачи и воля. В конце концов приобщение широких масс к чтению в 20-е годы начиналось с ликбеза. У читающей власти и народ — книгочей...

— Как Вы относитесь к литературной критике? Она, вообще, существует? Или теперь функционируют только пиарщики от литературы?

— Существует, конечно! Сошлюсь хотя бы на сборник «Проклятые критики», выпущенный несколько лет назад издательством «Прометей» и сразу ставший библиографической редкостью. Я написал к нему предисловие «Новое платье отечественной словесности». Беда в другом, честные критики и аналитики давно и целенаправленно оттеснены на обочину литературного процесса. Зачем? А чтобы не мешали. В начале 90-х, когда стало ясно, что основная часть отечественных литераторов не приняла разгром страны под видом реформ,

была поставлена политическая задача: сформировать новую литературную реальность, в которой сторонники либерального курса возобладают, а противники превратятся в маргиналов. Были выделены немалые средства. Тогда-то и появились премии, за один сезон делавшие знаменитостями никому не ведомых авторов слабеньких рукописей. Но ведь подкованное решение жюри того же «Букера» надо было подкреплять захлебывающимися рецензиями и восторженными статьями. Так появились высоко оплачиваемые пиарщики на содержании премиальных фондов. Затем эта функция частично перешла к библиоблогерам, заодно продвигающим и обложки, залежавшиеся на издательских складах. Увы, в эту оплачиваемую игру включились даже те, кто при советской власти были критиками в истинном смысле этого слова. Назову хотя бы Льва Аннинского. Почему? А потому что новая реальность лишила критиков честных источников доходов: гонораров за статьи, обзоры, внутренние рецензии, а это были очень приличные заработки. Для примера: в 1982 году у меня в журнале «Литературное обозрение» вышла статья о военной теме в молодой поэзии. Объем — две-три авторского листа. Знаете, сколько я получил за нее? 450 рублей, и это при средней месячной зарплате в стране в 160–170 руб. За внутренние отзывы платили из расчета 10 рублей за каждый авторский лист (24 машинописные страницы) прочитанного и отрецензированного текста. То есть за доказательный анализ романа критик получал на руки рублей триста-четыре. Это были вполне обеспеченные и потому независимые люди. А теперь? Побирušки... Или активные участники лохотронов. Этим-то и воспользовались...

Да, власти удалось вытеснить и маргинализировать крупных писателей советского времени, быстро создать целую когорту дутых корифеев, значительная часть которой на крутом историческом повороте превратилась в иноагентов и релокантов, но литературному процессу при этом был нанесен тяжелейший удар, ибо без честной, требовательной, полемичной критики не бывает большой словесности. Кто главный на винзаводе? Винодел? Нет. Оценщик качества вина, дегустатор. А таких у нас в сфере словесного творчества единицы, и те на обочине. Не случайно при присуждении в этом году премии «Слово» награду за критику вручать не стали, а отдали деньги с какой-то мутной формулировкой «Литературной газете», являющую собой в критике образец боязливой амбивалентности. Почему? Да потому что платных пиарщиков награждать не за что, все будут смеяться, а честных критиков нельзя, ибо по их оценкам лауреаты «Большой книги» или «Ясной поляны» — по преимуществу графоманы, а то еще и русофобы в придачу. Так и живем... Надеюсь, став органом СПР, ЛГ на совесть отработает премию, данную ей явно авансом...

— Захар Прилепин предложил Президенту создать Литературную премию мирового большинства — в противовес Нобелевке. Как Вы к этой идее относитесь?

— Захар Прилепин обладает уникальным умением сказать в нужное время и в нужном месте то, о чем до него давно уже много раз говорили другие, но каждый раз являет это как личное озарение. Талант, ничего не скажешь! О такой премии уже говорено-переговорено. Мы в ЛГ об этом писали еще в году эдак 2005-м... Кстати, получая в прошлом году в Кремле из рук Президента Государственную премию России, я в ответном слове так и сказал, что она для меня, как русского писателя, гораздо важнее, чем любая «нобелевка», давно себя дискредитировавшая. Но тут речь именно о международной премии для зарубежных авторов по аналогии с той, что затеял в кино Никита Михалков, придумав вручать лауреату внушительный якутский алмаз. На мой взгляд, такая премия в области словесности должна называться «Всемирной русской премией имени Достоевского» и сопровождаться вручением лауреату золотого бюста автора «Идиота». Можно учредить три степени, как у Сталинской премии,

тогда добавляются еще два бюста — серебряный и бронзовый. Вес статуэтки будет зависеть от щедрости Государства российского. Лично я за неподъемность награды.

— **О чем Вы мечтаете?**

— О победном мире для России, справедливом распределении национального богатства между моими согражданами и о творческой молодости для себя...

Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

«ЖИТЬ КАК ФЛЕЙТА ИЛИ ПТИЦА...»

Еще школьницей Настя Харитонова одерживает победу на конкурсе юных поэтов Москвы. Послушав ее стихи, член Священного Синода, митрополит Алексей (будущий Патриарх Алексей II) послал ей Библию, которую тогда невозможно было достать. Но Настя уже всю пользуется библейскими сюжетами. С восьми лет она каждую субботу проводит в детской изостудии Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Ей повезло, как раз в это время в Москву хлынули выставки шедевров со всей Европы: из Лувра, Прадо, Дрезденской галереи, лучших музеев Италии. Джотто, Рафаэль, Тициан, Эль-Греко, Рембрандт и другие непревзойденные гении Проторенессанса, Кватроченто, Высокого и Позднего Возрождения и последующих веков запечатлели на своих бессмертных полотнах сцены из Библии. Возвращаясь из музейных залов в студию, дети рисовали по памяти то, что особенно поразило их воображение. Несколько Настиних рисунков были засняты на слайды и остались в музее. Ей прочили будущее художника. Но к тринадцати годам ее уже захлестнула другая, более мощная стихия — стихия речи, — та самая, когда «Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города». Микеланджело и Рембрандта потеснили Шарль де Костер и Бернс, Достоевский и Платонов, Державин и Цветаева. С ними Настя встречала утро, с ними засыпала. Через двадцать лет она напишет: «Я знаю, как склоняется земля, / Когда на ней спрягаются глаголы».

Чтобы раздвинуть горизонты этого удивительного мира, Анастасия Харитонова изучает языки — английский, немецкий, латынь. Позже к ним прибавятся польский, итальянский, французский и чешский. Она читает в подлиннике Петрарку, Рильке, Шекспира и делает переводы.

С пятнадцати лет будущий поэт ездит на Ленинские горы, где в Главном здании МГУ занимается под руководством Игоря Леонидовича Волгина в студии «Луч». Там шестнадцатилетняя Настя ошарашит молодых поэтов своим «Монологом»:

*Страданье приняла земля моя
Без грани искупления и меры.
И страшная предельность бытия
Открылась нам, навек лишенным веры.
Не для любви рожденные сердца
Неумолимый счет ведут мгновеньям.
Мы, пленники начала и конца,
Ни истины не ждем, ни откровенья.*

Игорь Леонидович тогда радостно воскликнул: «Ренессанс!»

Когда, оканчивая Литературный институт, Анастасия Харитонова представит как дипломную работу рукопись своей первой книги, Игорь Волгин высоко оценит ее творчество: «Для А. Харитоновой характерны

строгость и сдержанность внутреннего рисунка — при внутренней глубине и "закрытости" самого переживания. Я бы назвал эту эстетику целомудренной — в том смысле, в каком "может осуществляться попытка нищенскими средствами пронзить и обрести величье". Свобода дыхания — не только качество текста. Это качество самой ее поэтической души».

Взорвалось десятилетие, терзавшее Настино поколение. Распался Советский Союз. Потрясения, происходившие в стране с конца 1980-х и до начала «нулевых», трагическим мотивом отразились в ее поэтическом творчестве.

*А братство? А любовь? А вера? Нет их.
Есть только бред, безумье, наважденье.
Отечество осталось на монетах,
Отныне не имеющих хождения...*

Но к самой Анастасии Харитоновой, казалось, прорвался сильный попутный ветер. Две первых ее книги — «Чаша» и «Светильник» — запрашивает Библиотека Конгресса США. Колумбийский университет вносит их в свои каталоги. Российское отделение ПЕН-клуба направляет ее на Международный поэтический фестиваль «Poeta-92» в Италию. Журнал «Современная драматургия» печатает ее пьесу. «Иностранная литература» публикует ее переводы с английского. Ее принимают в Союз писателей Москвы. Одна за другой выходят еще две книги.

*Не к траурной жизни, не к медлительной,
Готовьтесь, друзья, к новоселью.
Две радуги — прошлой и будущей жизни —
Скрестились над белой постелью.*

Эйфория от пробудившихся надежд тает, как утренняя дымка. У Анастасии Харитоновой выходит большая книга в твердой обложке. В ней шестьсот стихов, полных боли, отчаяния и надежды. Но люди как будто разучились читать, мечтать и надеяться.

*В гудящем снеговом аду
Толются люди, брови хмуры.
Но ангел ясную звезду
Ладонями прикрыл от бури.
Она горит — поверх знамен,
Поверх грядущих преступлений.
Горит, горит поверх имен
Трех обреченных поколений.*

В тяжелой атмосфере безвременья все же слышны голоса мастеров. Константин Ваншенкин: «Харитоновна близка мне тем, что она настоящий поэт. На фоне многих ее выделяют глубокая человечность и боль». Елена Кешокова: «Анастасия Харитоновна обладает несомненным поэтическим даром. В ее стихах есть тайна, особая магия слова, которая завораживает. Но что самое ценное — в ее творчестве нашло отражение не только авторское видение мира, но мироощущение целого поколения, обожженного напалмом великой войны и отечественной истории».

*О боже, и я была с теми,
Кто шел в обреченном строю,
Кто сгинул в атаке на время —
В бессмысленном, страшном бою...*

*Раньше мы верили, раньше мы пели.
А теперь — только снег.
Не подымай век.
Мы погибли, мы не успели...*

В эти полные испытаний для народа и Родины дни Анастасия Харитоновна беретась переводить стихи Кароля Войтылы — польского актера, драматурга, поэта, мыслителя и богослова, избранного в 1978 году папой римским под именем Иоанна Павла II. В грозовой атмосфере конца 1990-х поэта привлекает проникновенная человечность стихов Войтылы, его пламенное стремление помирить, объединить, сделать счастливыми всех людей, все религии, все страны и континенты. Иоанн Павел II побывал в ста тридцати странах. Он восхищался Махатмой Ганди и часами беседовал с тибетскими монахами о смысле жизни. В Дамаске он впервые в истории Католической церкви вошел в мечеть и долго там молился. В Израиле он посетил синагогу и назвал евреев «возлюбленными братьями».

Ни один журнал в нашей стране не решался напечатать стихи Кароля Войтылы. Но каким-то чудом они попали на стол Сергея Ястржембского, пресс-секретаря Бориса Ельцина.

Президент как раз собирался с визитом в Ватикан. Пресс-служба за несколько дней издала красивую подарочную книгу с портретом Иоанна Павла II на обложке. И Борис Николаевич под телекамерами всего мира вручил ее папе римскому. Понтифик раскрыл книгу, пробежал глазами по странице. И лицо его озарилось. Он прекрасно знал русский язык и, судя по всему, принял подарок как добрый знак православной ветви христианства.

Вскоре ничего не подозревавшему переводчику позвонили из Кремля и пригласили зайти за своим экземпляром. А еще через две недели посольство Ватикана в Москве вернуло Анастасии Харитоновой ее экземпляр с автографом Иоанна Павла II.

Красивая книга встала на книжной полке рядом с Библией, подаренной Алексием II. И в этом нет ничего удивительного. Ведь Анастасия Харитоновна сама призналась:

*У рокового стою рубежа.
И, тем не менее,
Ангелов пение,
Звезды парение —
Это моя душа.*

О ее творчестве в свое время отзывались такие разные и безупречные авторитеты, как Владимир Лакшин: «Стихи этой молодой женщины поражают мудростью», или Кирилл Ковальджи: «Стихи Харитоновой хочется цитировать и цитировать. Их собственная нагрузка куда весомей желаний истолковывать их. Да и сама Анастасия Харитоновна нисколько не озабочена современной поэтической ситуацией. Она в другом контексте, в другом чувстве времени — ближе к вечности со всеми присущими ей темами. Она разговаривает с собой и судьбой — человека и людей, России и мира. Это исповедь ни перед кем. Это послания без адреса — они сами привлекают к себе адресатов. Точки боли. Вопросы без ответа. Поэт

потому и поэт, что открывает в читателе неведомые ему самому душевные резервы, возможности высокого резонанса».

Несмотря на обостренное осознание «трагической подосновы мира», отмеченное еще Евгением Винокуровым, Анастасия Харитонова незадолго до своего трагического ухода подытожит:

*Что напишешь? Мы стали другими,
Охраняя чужие гроба.
Но Россия — великое имя,
И великая, значит, судьба.*

Редакция

Анастасия Харитоновна (1966–2003, Москва) — поэт, переводчик, драматург, иллюстратор собственных книг. Член Союза писателей Москвы. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор 12 поэтических сборников, золотой лауреат международного фестиваля «Poeta-92» в Италии. Переводила с семи языков, включая книгу стихов папы римского Иоанна Павла II, подаренную пантифику Б. Н. Ельциным в 1998 году. В 2026 году к 60-летию Анастасии Харитоновой в Издательстве Евгения Степанова и издательстве «Дом печати» выходит ее большой поэтический сборник «Простерла песня надо мною грозой сквозящее крыло...».

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ КНИГИ «ПРОСТЕРЛА ПЕСНЯ НАДО МНОЮ ГРОЗОЙ СКВОЗЯЩЕЕ КРЫЛО...»

**(М.: Издательство Евгения Степанова,
издательство «Клуб Печати», 2026)**

* * *

От этих потемневших берегов
Душа уплыть стремится не впервые.
Но все-таки есть связи родовые,
Семейственность глухонемых веков.
Одежды обезумевших царей
В лохмотья превращаются и тлеют.
Лишь бесконечные снега белеют,
И тяжки вздохи северных морей.
И не наполнить прорванные сети,
И роковых вопросов не решить.
Я буду жить. Я просто буду жить,
Так жить, как прежде не жили на свете.

ИВАН ГРОЗНЫЙ В ХРАМЕ

Как за всенощными длинными
Бьет поклоны царь Иван...
Над мехами соболиными
Ектеньи плывут в туман.
Горлинка пустыннолюбная,
Что ты вьешься у плеча?..
Ты боярами загублена,
По тебе горит свеча.

Улетела — не воротится
В наши дебри да мороз.
Помоги мне, богородица,
Укрепи меня, Христос.
Тот сожжен, того повесили,
Этот — на колу издох.
В русской вьюге, в черном месиве
Я не только царь, но бог.
Ах, иконка чудотворная,
Озари мою тоску.
Ах, Настасьюшка покорная,
Для тебя спалю Москву!
Льется, льется служба длинная.
Лики, лики, как во сне.
Что ж ты, горлинка пустынная,
Не ответила ты мне.

ОФЕЛИЯ

Плакал маленький рот в покрывало,
И блестели сухие глаза.
А на сцену из черного зала
Поднималась ночная гроза.
Тьма сгущалась над проклятым троном,
И шептал, и шумел дворец.
И с колечком, когда-то дареным,
Открывался девичий ларец.
Вся нездешняя, вся не отсюда,
Потому и любима была,
Это тихое божие чудо,
Эта ласточка, невидаль, мгла.
Это было и вправду мученье,
А не скука и не каприз.
А потом — все вниз по теченью,
А потом по течению вниз.

СОН О СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

Их в пыточных камерах рвали и жгли.
На дыбе висели они по ночам.
Потом их на казнь по ухабам везли.
Они рассмеялись в глаза палачам.
— Московское небо! Ты нас не забудь.

Московские жены! Не плачьте о нас!
Мы твердо свершим предназначенный путь
И молча умрем в предназначенный час.
А царь среди слуг, как огромный осетр
Средь мелких лещей, карасей и плотвы.
Сегодня ликует неистовый Пётр.
Сегодня мятежники будут мертвы.
А те говорят: «Дождались мы утра.
Другой ведь зари не видать никогда!»
Но конь испугался и топчет Петра.
На лобное место упала звезда.
Упала, упала звезда с вышины.
Убийца растоптан. Стрельцы спасены.

* * *

Расплывчатою акварелью
Застыл вдали туманный порт.
А я охвачена метелью,
В которой дышит новый Пётр.
Снег укрывает место пусто,
Мечту безумного царя.
Подведена дымами густо,
Горит вечерняя заря.
И с каждым часом город глуше.
Тоска — не приведи господь...
Здесь в муках умирают души
И юной делается плоть.

ЖАЛОБА ТРЕДИАКОВСКОГО

В недоброе столетье вырос я:
Народ смирен, властители суровы,
И воздух густ, и тяжелы оковы
Слоисто-перистого бытия.
Когда во мне безумье говорит,
Один скривится: «Он листы марает».
Другой добавит: «Рифмами играет».
И ни один не скажет: «Он творит».
А стих приходит, как случайный гость,
Садится у холодного камина,
Считает на Неве сухие льдины
И возле кресла забывает трость.

Все звуки я сумел переплести.
Истощены скорбей и смысла штольни,
И чувствую, что было бы безбольней
Не защищаться, плача, а уйти.
Какую смерть избрать, не все ль равно?
Хочу огромную — хватило б места.
Я слышу пламенный порыв зюйд-веста,
И паруса летят в мое окно.

БОЛЬНОЙ СУМАРКОВ

Он пристально глядел на темный снег
И думал: «Если гибель — так скорее...»
Давно больной, усталый человек,
К тому ж поэт, нахлебник у Психеи.
Он думал: «Даром я в стихи облек
Извечный шум невнятицы влюбленной...»
Звезда горела. Трясся хохолок
На голове, по-птичьи наклоненной.
Он взял перо и отложил перо.
Кому теперь нужны признанья эти?
Старо. Старо. Старо. Старо. Старо.
Скорбь смертника старей всего на свете.
Как много в мире дорогих могил!
Некрополь до Урала протянулся.
Звезда горела из последних сил.
Он лег в постель и тихо улыбнулся.

* * *

Еще дремотой было все объято,
Неслышно плыли льдины по реке,
Еще играли улицы-котят
В замоскворецком тающем снежке,
А мне уж было ясно: жизнь пропала,
Никто, никто ее не перенес.
Я так любила самое начало
Стихов и песен, музыки и слез.
Поэты восемнадцатого века
Мое оттачивали ремесло
И были, как друзья, привычны... Эка
Куда тебя мечтою занесло!

Теперь у нас что миг — то перемены
И яростной толпы голодный вой.
И никого суровая Камена
В мой дом не пустит, словно часовой.

МУЗА ЗИМОЙ

Вот мы и попались, друг мой милый,
Онемели, проще говоря.
Долго наши песни разносила
Над землей тревожная заря.
А теперь так тихо в зимнем небе,
Снег нетронутый везде.
Муза! Ты теперь на черном хлебе
И прозрачной ледяной воде.
Нас не усадят видений хоры,
Медь не грянет в тишине ночной,
И у нас потянутся раздоры
Заключенных в камере одной.
Нрав мой, Муза, ветреный и кроткий,
Скоро позабудешь ты сама.
На окне, действительно, решетки.
— Это что?! Тюрьма?! Тюрьма?!
Как тебе ответить? Только сосны,
Только снег мерцающий у нас...
Мне глядеть на мертвый мир несносно...
А уж Музе — хуже во сто раз.

* * *

Кто бы в ночь такую спать улегся?
Это ночь для мыслей, для стихов.
Пётр еще от бога не отрекся,
И еще не слышно петухов.
Догорает с желтым воском плошка.
Я сижу, не опуская век.
Под луной мерцает у окошка
Радужный и маслянистый снег.
Все на свете сказано и спето,
Но спокойно за стило берусь.
Знаю я — ни одного поэта
На молчанье не осудит Русь.

* * *

Пахнет медом, повиликой.
Все готовится ко сну.
Со свирелью нежной, дикой
Я иду в свою страну.
А земля кругом такая,
Что не рассказать никак.
Голубея и моргая,
Пьет она вечерний мрак.
Алым залита рябина,
И в кистях — сырая дрожь.
Прозерпина, Прозерпина,
Ты куда меня влечешь?
С мыслями не дашь собраться,
Вечно путаешь следы...
Я хочу включиться в братство
Трав, деревьев и воды.
Чтоб не быть ненужной в мире,
Чтобы не сойти с ума,
Чтоб душа, раскрывшись шире,
Стала музыкой сама.

* * *

Не жалея вовсе друг о друге,
Разойдемся мы.
Я люблю тревожный шепот вьюги,
Царский лед моей зимы.
Я люблю заплаканные звезды,
Бледный небосклон.
А еще — оставленные гнезда,
И туман, и сон.
Я хочу уменьшиться, смягчиться,
Придержать свой стих.
В общем, жить как флейта или птица,
Но не лучше их.

* * *

Ко мне судьба была сурова.
Как подкатило к тридцати —
Измучила, лишила крова.
Мне оставалось лишь уйти.

И вот бреду зарей тревожной
В просторах розовых полей.
Тяжел, тяжел мешок дорожный.
Но крылья — вдвое тяжелей.

* * *

Под трепетным покровом ночи
Хочу найти покой себе
И что-то в собственной судьбе
Открыть, печалюсь и пророча.
Но нет — грядущее молчит,
Как эти звезды, безмятежно.
А встреча с ним все ж неизбежна,
И оттого душа болит.

* * *

Я расскажу, как я люблю,
Но птицы в небе не услышат.
Вода в озерах еле дышит.
Давно уж дело к февралю.
Я расскажу тебе про то,
Как я жила и умирала,
И как судьбой моей играла
Психея, бабочка, ничто.
Луну закрыло облаками,
А в детской огонек горит...
Темно, и страшно, и хрустит
Листва со снегом под ногами.

* * *

Когда окончится дорога,
Когда закружится метель,
Я в ледяное сердце бога
Опущен буду, как в купель.
А на земле зажгут лампы,
Разложат грубые цветы.
Душа, не улетай, не надо!
Ну что же ты, ну что же ты...

* * *

И арфы спели: улетим.
Александр Блок

Когда Господь забудет наши лица,
Слова, дела и судьбы, вот тогда
В глухом колодце неба отразится
Настоянная лунная вода.
Мы страшно мстим за прожитые годы,
Коль смерть нас вовремя не приберет,
И в нежном слабоумии природы,
В зеленом прахе ласточка умрет.
Мы не такие, вовсе не такие —
В одежде покаяния до пят.
В нас веет дух, сражаются стихии,
И лепестки вечерних роз летят.
Мы все доводим до черты последней,
Все постигаем, обо всем скорбим
И на цветущих травах ночью летней
Закидываем голову и спим.
Но дальних арф точнейшая наука
Живую плоть оковывает льдом,
И девочка, пришедшая до звука,
К испуганной груди приложит руку,
И вместе мы войдем в небесный дом.

МАСТЕР

Снега погасли. День ушел.
Мерцают в колбочке чернила.
Звезда на неметеный пол
Две-три слезинки уронила.
А по ту сторону труда
И книг в чудовищном развале
Такая же горит звезда,
И женщина живет в печали.
Она обходит темный дом
И повторяет: «Где ж ты?.. Где ж ты?..»
А я оставил «на потом»
Ее любовь, свои надежды
И вновь приникнуть к ней готов
В порыве нежности нетленной
Лишь по ту сторону стихов,
Как по ту сторону Вселенной.

* * *

Я снег своим дыханием расплавлю
И оглянусь на прожитые дни.
О господи! Я все еще исправлю,
Лишь только ты, святой, повремени.
Я все грехи смирением покрою,
Паду, о снисхождении моля,
В тот час, когда предстанет пред тобою
В весеннем черном рубище земля.
Горят мои застывшие ладони,
Но знаю, в сердце радость зазвенит,
Едва журавль на светлом небосклоне
Меня крестом широким осенит.

* * *

Не пропадешь ты, дар Изоры.
А. С. Пушкин

Мы скорой смерти не искали.
Она явилась в полной мере:
Луна в отравленном бокале —
Месть изнемогшего Сальери.
Он звуков черствых власяницу
Носил страдая, но с терпением.
А Моцарт приласкал синицу
И стал творцом, а не твореньем.
Зачем движенье душ порочных
Теперь зовут сальерианством?!
Кто ведал больше мук полночных,
Служа искусству с постоянством!
И сколько ж горького позора
Упало на худые плечи...
Не пропадешь ты, дар Изоры.
А Моцарту, ей-богу, легче

ЖАЖДА ПРАВДЫ И ПРАВА...

Творчество Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881) — одно из вершинных достижений русской классической литературы — справедливо уподобляют космосу. Созданный писателем художественный мир столь грандиозен по масштабам мысли и чувства, глубине духовных проникновений, что представляет собой своего рода необъятную вселенную.

Феномен Достоевского заключается в том, что интерес к нему во всем мире не только не ослабевает, но со временем все более возрастает. Ведущие университеты Западной Европы, США, Японии и других стран уже давно и достаточно глубоко изучают творчество великого русского классика не только на факультетах филологии, но и философии, психологии, юриспруденции, социологии, смежных дисциплин. Но в своем Отечестве Достоевского-пророка вспоминают по преимуществу в годы «круглых» дат. С сожалением приходится признать, что Россия в этом отношении выступает в парадоксальной трагикомической ситуации «сапожника без сапог», оставляя труды своего выдающегося соотечественника, равно как и многие другие духовные ценности, на периферии общественного сознания. В то же время освоение открытий писателя может принести не умозрительные, а практически насущные результаты для создания прочного духовно-нравственного фундамента современного общества.

В своих трудах Достоевский остро поставил ряд кардинальных для человечества тем и проблем: какова природа добра и зла; как уживаются в душе человека стремление к саморазрушению и самовосстановлению — «идеал содомский» с «идеалом Мадонны»; в чем сущность и назначение жизни; как преобразовать мир на основах духовности, нравственности, уважения достоинства личности; как соединить в нераздельное целое справедливость, законность, правосудие. Ответы на эти и другие «вечные» вопросы, над которыми издревле бьется человеческое сознание, выдающийся художник и мыслитель оставил в своих произведениях, которые сегодня воспринимаются как пророчество, провозвестие, как дар и задание непрестанного совершенствования.

«Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей», — говорил Достоевский. Он выражал твердое убеждение в том, что «люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле». В новом тысячелетии современное человечество живет все теми же грядущими упованиями. «А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час все бы сразу устроилось! — утверждает писатель устами героя своего «фантастического рассказа» «Сон смешного человека» (1877). — Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться. А между тем ведь это только — старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!» Выраженный в предельно простой и всякому понятной форме христианский идеал, заповеданный в Евангелии, к которому обращается классик — *«возлюби ближнего твоего, как самого себя»* (Мк. 12: 31), — по высоте духовного задания оказывается до сих пор непосильным, недостижимым и непревзойденным. Новый Завет вечно нов и все так же принадлежит горизонту нездешнего бытия.

Исследуя духовную природу человека и состояние общества, писатель-пророк в своих открытиях предвосхищал будущее. Его предвидения и предчувствия подтверждаются движением истории. В. Ф. Переверзев в статье к 100-летию классика проводил мысль об острой современности его творчества «в момент катастрофического разрушения» старого мира: «Говорить о Достоевском для нас все еще значит говорить о самых больных и глубоких вопросах нашей текущей жизни <...> Читайте Достоевского, и вы многое поймете». Пережив в очередной раз катастрофическое разрушение устоявшегося, сегодня мы также можем присоединиться к этой оценке.

Хаотическое состояние капиталистической России в «наше зыбучее время», когда традиционные ценности и сами понятия о добре и зле начали меряться «аршином близорукой выгоды», стали размытыми, относительными, охарактеризовано в романе «Бесы» (1872): «точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул». Прочную опору в этом шатком мире писатель обрел в православной вере с ее идеалами жертвенной любви к Богу и ближнему, «потому что Православие — все». Эту отточенную формулу заносит Достоевский в свои записные книжки, хранящие столь же заветные мысли: «Нации живут великим чувством и величиною, все освещающей снаружи и внутри мыслью, а не одною лишь биржевой спекуляцией и ценою рубля»; «В Европе — выгода, у нас — жертва...»; «Русский народ весь в Православии и идее его». Писатель усматривал в Православии не одну только догматику, но главное — живое чувство, живую силу: «Вникните в Православие, это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве <...> есть одно человеколюбие, один Христов образ — по крайней мере это главное».

Формально-показная, официозная набожность, во многом принятая в настоящее время, ведет к тому, что от Бога остается «мертвый образ, которому поклоняются в церквях по праздникам, но которому нет места в жизни». Об этом размышлял писатель в своем последнем романе «Братья Карамазовы» (1881). Герой романа — чистый сердцем и помыслами Алёша Карамазов — старается следовать евангельскому завету «раздай все и иди за Мной». В отличие от фарисействующих псевдопоследователей Христа, пытающихся с выгодой приспособить «под себя» Божьи заветы, Алёша стремится к абсолютному идеалу — Христу: «Не могу я отдать вместо "всего" два рубля, а вместо "иди за Мной" ходить лишь к обедне».

Идейно-художественная система Достоевского в целом сформировалась на почве его глубоко религиозного мировоззрения. Основы христианского мировидения и нравственного развития личности изначально закладывались в традициях семейного воспитания. Русская семья имела утраченный ныне статус «малой церкви», где дом — храм; очаг — алтарь; семейный

уклад — благочестие; идеал — любовь к Богу и ближнему; дружелюбие и взаимопонимание между чадами и домочадцами. Достоевский вспоминал: «...я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы в семействе нашем знали Евангелие, чуть ли не с первого года». Самые ранние детские переживания религиозного характера писатель хранил всю жизнь. Он запомнил, как около трех лет отроду прочел при гостях молитву: «*Все упование, Господи, на Тя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под кровом своим*», — чем привел всех в состояние радостного умиления; как в церкви мать причащала его, двухлетнего, и как «голубок пролетел из одного окна в другое». Возможно, эти первые сокровенные впечатления способствовали пробуждению в ребенке «нового, уже сознающего себя и мир человека».

Детская непосредственная религиозность, примиряющая веру с рассудком, впоследствии укрепилась осознанным убеждением. «Записная книжка» писателя содержит глубоко выстраданное признание: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

В своей собственной семье Достоевский был нежным и заботливым отцом, талантливым педагогом и воспитателем, внимательным ко всем проявлениям детской натуры. Он делал все, «что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, все, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером». «Главная педагогия — родительский дом», — уверен писатель. Основой его воспитательной системы явилась религиозно-философская идея о человеке как «венце творения», об уникальности и неповторимой ценности каждой человеческой личности. О своем первенце — дочери Соне — Достоевский писал поэту А. Н. Майкову в мае 1868 года: «Это маленькое трехмесячное <создание>, такое бедное, такое крошечное — для меня было уже и лицо, и характер». В очерке «Фантастическая речь председателя суда» (1877) читаем: «у ребенка, даже у самого малого, есть тоже и уже сформировавшееся человеческое достоинство». Этот тезис получил глубокую разработку в трудах Достоевского задолго до принятия Всеобщей декларации прав человека (1948), где в первой же статье утверждается право каждого на достоинство от рождения: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Указанный декларативный призыв к мировому сообществу до сих пор остается нереализованным благим пожеланием. Во многом потому, что во главу угла человеческих взаимосвязей ставятся товарно-денежные отношения, расчет, эгоистический интерес, что в свою очередь влечет подмену Бога ложными кумирами и бездушными идолами. Служение «золотому тельцу» неизбежно ведет к звериным установкам типа «глотаи других, пока тебя не проглотили», в итоге — к духовно-нравственному одичанию и вырождению.

Современное прочтение романа «Братья Карамазовы» — художественного и духовного завещания писателя — показывает, что его тревожные предчувствия сбываются с поразительной точностью. Вот одно из текстуальных подтверждений: «не исказился ли в нем <мире. — **А. Н. -С.**> лик Божий и правда Его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: "Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай" <...> И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали. <...> куда пойдет сей невольник, если столь привык

утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навывдумывал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше».

Ни наука, ни социальные реформы не способны вывести человека и общество из разъедающего состояния всеобщей уединенности. На бессилие рациональных, прагматических подходов, их духовно-нравственную несостоятельность указывал писатель: «Никогда люди никакого наукой и никакою выгодой не сумеют безобидно разделиться в собственности своей и в правах своих. Все будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга». Достоевский предупреждал о том, что поглощенность материальными интересами, рост индивидуализма и катастрофический распад личности при утрате высших идеалов и веры в Бога приведут человечество к антропофагии (людоедству).

Духовное начало, «искра Божья» — первостепенное, что выделяет человека среди других существ. В то же время «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека». Писатель справедливо полагал, что для становления личности одного разума, образованности недостаточно, поскольку «образованный человек — не всегда человек честный и что наука еще не гарантирует в человеке доблести». Более того — «образование уживается иногда с таким варварством, с таким цинизмом, что вам мерзит».

Родителям, наставникам, учителям — всем тем, кому доверено воспитание юных душ, — необходимо постоянно заботиться о самовоспитании и самодисциплине: «ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих». «Мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже, — говорил писатель. — И если мы учим их чему-нибудь, чтобы сделать их лучше, то и они нас делают лучше нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают душу нашу». В «Братьях Карамазовых» выражена заветная мысль об особенной, «еще в ангельском чине», природе ребенка: «Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой». Все это обращает к евангельской заповеди «Будьте как дети». Христос говорит ученикам: *«если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»* (Мф. 18: 3).

Писатель следил за религиозно-нравственным формированием своих детей и указывал на громадное универсально-воспитательное воздействие Священного Писания: «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества». На пороге инобытия он читал детям новозаветную притчу о блудном сыне. И умер с Евангелием в руках. Новый Завет, провожая писателя в вечность, открылся на словах Христа: *«не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду»*.

Современники Достоевского сохранили воспоминания о его отношении не только к собственным, но и к чужим детям. Их судьбы постоянно тревожили сознание и душу: «Дети — странный народ. Они снятся и мерещатся». Христианское воспитательное credo Достоевского получило многообразное воплощение в письмах, дневниках, заметках, публицистике; наиболее глубокую разработку — в художественном творчестве, во всех без исключения произведениях. Можно утверждать, что творчество писателя в целом — своего рода «религиозно-педагогическая поэма».

Так, «Подросток» (1875) — в полной мере «роман воспитания». Главный герой — вступающий в жизнь юноша Аркадий Долгорукий — поработен ложной идеей «стать Ротшильдом». Он считает, что «деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество». В черновиках к «Подростку» охарактеризована ситуация, на почве которой вырастают идеи преступной наживы: «Треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море. Исчезли и стерлись определения и границы добра и зла. <...> Нынче честно не проживешь». В то же время, по убеждению писателя, «основные нравственные сокро-

вища духа, в основной сущности по крайней мере, не зависят от экономической силы». Подросток постепенно освобождается от маниакальной цели обогащения, достигаемого любыми способами. В стремлении к праведной жизни происходит «восстановление падшего человека».

В «Подростке» и «Дневнике писателя» Достоевский исследовал также проблему «разложения семейного начала» и пришел к выводу, что «случайность современного русского семейства <...> состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. <...> самое присутствие этой общей, связующей общество и семейство идеи — есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, — но порядка».

С утратой общей идеи и идеалов также изнутри подрывается лад современной семьи. Понятия супружество, семья, отцовство, материнство, детство духовно опустошаются, становятся лишь правовыми категориями и терминами Семейного и Гражданского кодексов. Отношения в семье зачастую строятся не на незыблемом «камне» духовно-нравственного фундамента, а на «песке» формальной юридической связи сторон брачного контракта, гражданско-правового договора, наследственного права и т. п. Если нет глубинной духовной опоры, скрепляющей семейный очаг, то семья неизбежно становится ненадежной, зыбкой, «случайным семейством» — по определению Достоевского.

«Больные» вопросы: «как и чем и кто виноват?»; как прекратить детские страдания; как «сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите» — с особенной силой поставлены в «великом пятикнижии» («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»). Среди основных идей последнего романа — сокровенная мысль: достижение мировой гармонии «не стоит <...> слезинки хотя бы одного только <...> замученного ребенка».

По воспоминаниям известного русского юриста, литератора и общественного деятеля А. Ф. Кони, Достоевский «безгранично любил детей и старался своим словом и нередко делом ограждать их и от насилия, и от дурного примера. <...> Но с детьми для юриста связан, помимо святой задачи их защиты от насилия и нравственной порчи, еще один из важнейших и труднейших вопросов <...> — о применении к ним уголовной кары». Знаменитый адвокат настоятельно советовал коллегам-юристам сверяться в своих решениях с Достоевским: «...всякий, кто захочет вдумчиво подвергать детей карательному исправлению, не раз должен будет искать совета, разъяснения, поучения на страницах, написанных их <...> другом и заступником».

Посещая колонию малолетних преступников, Достоевский приходит к выводу о том, что именно «зверски равнодушное» отношение государства и общества к молодому поколению вытравливает в юных душах «всякие следы человечности и гражданственности». Писатель нашел «недостаточными» имеющиеся в арсенале юридической системы «средства к переделке порочных душ в непорочные».

«Если что и охраняет общество даже в наше время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести», — размышлял Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Свои чаяния он выразил устами «русского инока» старца Зосимы: «...если бы все общество обратилось лишь в церковь, то не только суд церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но, может быть, и вправду самые преступления уменьшились бы в невероятную долю. Да и церковь, сомнения нет, понимала бы будущего

преступника и будущее преступление во многих случаях совсем иначе, чем ныне, и сумела бы возвратить отлученного, предупредить замышляющего и возродить падшего».

Утрата веры в Бога и бессмертие, заглушающая голос совести, ведет к преступной теории «все позволено», к власти «элиты» над «муравейником», «слабосильными бунтовщиками», которые под конец «станут послушными». «Покорное стадо» не в силах вынести свободы, а значит — и нравственной ответственности, данной Христом, и принесет эту свободу к ногам «избранных». В легенде Ивана Карамазова о «великом инквизиторе» этот наследник Римской империи строит свою власть на «чуде, тайне, авторитете» — на всем том, что отверг Христос, преодолевая дьявольские искушения. Инквизитор по-прежнему манит людей идеалом Христа: «...мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твое. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе». В действительности власть, отреклась от Бога, и служит силе, противоположно направленной: «Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна! <...> мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными».

Современная Европа, считает Достоевский, пошла по пути «великого инквизитора»: «...во многих случаях там церквей уже и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церквей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть. Так, кажется, по крайней мере в лютеранских землях. В Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство». Церкви в государстве отводится «как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, — и это повсеместно в наше время в современных европейских землях».

Путь православной России, по Достоевскому, должен быть иным: «По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более».

В дискуссии о церкви и государстве старец Зосима, несмотря на скепсис оппонентов («это, стало быть, осуществление какого-то идеала, бесконечно далекого, во втором пришествии. <...> Прекрасная утопическая мечта об исчезновении войн, дипломатов, банков и проч.»), выражает несомненную веру в преображение жизни: «Правда, <...> теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает все же неизбежно, в ожидании своего полного преображения из общества как союза почти еще языческого во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времен и сроков в мудрости Божией, в предвидении Его и в любви Его. И что по расчету человеческому может быть еще и весьма отдаленно, то по предопределению Божьему, может быть, уже стоит накануне своего появления, при дверях».

Одна из важнейших в системе идей Достоевского — мысль о личной нравственной ответственности каждого за состояние собственной души и за судьбы целого мира: «...всякий человек за всех и за вся виноват, помимо своих грехов <...> И воистину верно, что когда люди эту мысль поймут, то настанет для них Царствие Небесное уже не в мечте, а в самом деле». С точки зрения писателя, заниматься социально-политическими преобразованиями прежде христианского преобразования души человеческой — все равно, что ставить телегу впереди лошади: «Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства».

На упреки в утопизме писатель отвечал, что он лишь «реалист в высшем смысле». Все сбывается по Достоевскому. Жизнь подтверждает глубокую правоту его заветных идей. Писатель оставил неординарные и не легкие для исполнения заветы: не дать «низложить ту веру, ту религию, из которой вышли нравственные основания, сделавшие Россию святой и великой»; «войти в борьбу» с «ужасными впечатлениями», «мрачными картинами», «искоренить их и насадить новые» — «чистые, святы и прекрасные». За прошедшее время значимость этих задач нисколько не уменьшилась.

Опыт писателя по религиозно-философскому, социально-психологическому, этико-эстетическому осмыслению проблем бытия — «Жажда правды и права», как формулировал Достоевский, — по-прежнему требует серьезного освоения и может сыграть неопределимую роль в духовно-нравственном развитии наших соотечественников.

**Валерий Лебединский «Повести и рассказы»
Paris, France, Lettres Russes, Издание второе, 2023**

Тонкое психологическое ветвление многих образов плюс многослойное время — так интересно строятся прозаические повествования Валерия Лебединского из книги прозы «Повести и рассказы» (Lettres Russes, Paris, France, 2023. Издание второе).

Сюжет повести «Бунт на улице Солженицына» не сложен: жители оной, привычной Большой Коммунистической, протестуют против переименования ее — ведь согласно закону, должно пройти не менее десяти лет после смерти определенного персонажа, прежде, чем имя его будет присваиваться улице. Или площади.

Лебединский пишет и сухо, и живописно одновременно — множество людей, действующих в повести, окрашены эмоционально, и живо переливаются характеры, а послевкусие, остающееся от повести, не может не быть грустным; словно набатным фоном гудит державинская медь:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Интересно звучат-читаются-работают и рассказы Лебединского...

«Любовь Оли Пушкиной», снова переливаясь ретроспекцией, отправит во времена триумфов Лемешева и Козловского, показав неумеренных, рьяных поклонниц их; Оля Пушкина возникнет потом — немолода, не шибко привлекательна, но обладает такой театральной эрудицией, что не считаться с ней нельзя.

Снова рассказ смешает вымышленных героев и реальных: причем знаменитых: Раневскую, Бортникова...

В сущности, Лебединский интересно комбинирует рассказ с эссе: эмоциональность повествования сплетается интеллектуальными волокнами с экзистенциальными размышлениями о жизни. Сущности бытия. Стойкости.

Комбинация множества качеств и делает книгу прозы Валерия Лебединского интересной.

Александр БАЛТИН

РЕЦЕНЗИИ

Прозаическая миниатюра — самостоятельный литературный жанр, который не следует путать с коротким рассказом, отрывком или зарисовкой. Она представляет собой особую художественную форму со своими уникальными задачами и внутренним смыслом.

Сборник Владимира Николаева — отличный пример, прямо-таки «сливки» данного жанра. Серьезный мужчина немногословен. Присущая жанру прозаической миниатюры четкая авторская мысль в его произведениях уплотняется до предела. Например, «Журавли» — всего пять коротких абзацев, в которые укладывается целая эпоха. История создания знаменитого стихотворения «упакована» в лаконичный текст, из которого несведущий читатель узнает не только, что в подстрочнике Гамзатова первая строка звучала иначе... Слова автора трогают за душу и читателя «подкованного»: «Его звали Наум Исаевич Рамбах, литературный псевдоним — Наум Гребнев. Сын редактора еврейской газетки в Харбине. Прошёл всю войну. Трижды ранен, контужен. Почти умер в медсанбате после тяжелого ранения в живот. И вот эти строки: "Мне кажется порою, что солдаты..." — это его, русского поэта Гребнева, строки».

Перед нами пронеслась человеческая жизнь. Оказывается, она умещается в несколько простых предложений...

Вместо сюжетной динамики — эмоциональная. Главное, чтобы после пары абзацев у читателя что-то екнуло внутри, а не в том, «что было дальше».

Ключевой признак миниатюры — сохранение пропорций. Она способна вместить тему, достойную большого романа, но при этом не превращается в его урезанный пересказ. Произведение сжимается, но его внутренняя структура и гармония остаются незыблемыми. Так, в завершающей этот маленький сборник истории «С Днем Победы, папа» Владимир Николаев рассказывает историю своего отца, и мы благодарим писателя за прямоту: «В спецшколе начальник сказал отцу, что не может его зачислить по возрасту — не хватало одного года. Дескать, приходи на следующий. На что подросток честно признался, что на следующий год он, скорее всего, будет на зоне». Антитеза между формальной отговоркой начальника («не хватает одного года») и обреченной прямоотой подростка создает трагикомический и одновременно жесткий эффект. Фраза «буду на зоне» звучит как приговор, вынесенный не судом, а самой жизнью, и подчеркивает беспомощность системы перед лицом социального дна. Это момент жизненной правды, лишенный прикрас.

А дальше — также емко и кратко: «Словом, отца взяли в спецуху, в виде исключения — до первого залета. Война вообще как-то делала много исключений из правил». Знаете, эта фраза про «исключение до первого залета» — очень жизненная. Сразу понимаешь: дали шанс, но он держится на честном слове. Один неверный шаг — и все, жизнь пойдет под откос. А как хороша строка о войне, снабженная неопределенным наречием «как-то» и расплывчатым «вообще», которые «сбивают», снижают градус этого страшного слова... Она убеждает нас в том, что бюрократические формальности — ерунда по сравнению с происходящим на фронте. Война — хаос, который ломает все привычные законы. В мирное время отца бы ни за что не взяли, а тут — война все спишет, вернее, заставит сделать исключение. Донельзя точно подмечено про вынужденную, перевернутую логику военного времени.

А вот история «Металл Сундсвалла» — об «утечке мозгов». От нее становится по-настоящему грустно. Владимир Николаев мастерски выводит концовку — русская женщина, школьная подруга главного героя, работает в Швеции, изредка приезжает в Россию: «Когда Екатерина прилетела в Москву отметить день рождения, улучив момент, он спросил, а чем, собственно, она занимается? Катя, лучезарно улыбаясь, терпеливо и абсолютно непонятно рассказала

о научной работе по органической кристаллографии». Пока все чинно-благородно, но исподволь копится напряжение: что-то должно произойти...

Затем нарастает отчуждение: «Позже она совсем перестала бывать в Москве, хотя здесь родилась и жила раньше на Полянке. Говорила, ей тяжело бывать в России. Как-то тут все неаккуратно и хаотично». В этом отрывке через внутренний конфликт героини раскрывается тема ностальгии и культурного шока. Когда человек долго живет за границей, он часто смотрит на родину через розовые очки. А потом приезжает и видит не то, что помнил, а то, что есть сейчас. И если это «сейчас» сильно отличается от его воспоминаний или нового образа жизни, возникает такой болезненный диссонанс. Фраза «тяжело бывать» — это не про грязь на улицах, а про внутренний дискомфорт, когда твое сердце больше не узнает родные места.

И маленькое, почти невесомое, уточнение: «Шведы, кстати, вскоре запустили истребитель четвертого поколения. Сделанный, ну вы догадались, из крылатого металла Сундсвалла». Автор обращается к приему «разговор с читателем» («ну вы догадались»), создавая доверительную, неформальную атмосферу. Это снижает пафос технического достижения и подает его с долей иронии.

Нет в этой истории осуждения. Есть горечь. За нашу страну. И судьбу человека, чей талант пригодился за рубежом, а не на Родине.

Зато в лирической миниатюре «Полубокс», где автор пишет о своем послевоенном детстве в военном городке на территории Германии, царит совсем другое настроение. Мальчик-рассказчик выбегает из парикмахерской: «На ватных ногах съезжал с кресла, протягивал немцу потную монету и бежал оттуда. Бежал без остановки в военный городок по узкой, нагретой солнцем дороге, через поле цветущей горчицы, мимо теплиц Альберта, мимо осколков гипсового орла в траве. Солдаты на КПП меня узнавали и молча пропускали домой». Писатель мастерски использует психологизм, передавая панику через телесные ощущения. Маршрут героя — это не просто путь, а символический переход из мира страха в мир хрупкой безопасности («дом»). Социологически сцена на КПП демонстрирует существование неписаных правил и социальной эмпатии внутри закрытого сообщества (военного городка), где формальные процедуры отступают перед человеческим пониманием. Солдаты все видят, все понимают без слов и просто молча пропускают его. В этом молчании больше сочувствия, чем в любых словах. Перед нами сильная и честная сцена.

Эта книга меня радует и воодушевляет — и как критика, и как гражданина. И просто по-человечески. Владимир Николаев говорит с нами о самом главном. Для русского человека семья и Родина — это не просто слова из учебника, а настоящие опоры. То, что с тобой с самого детства, что связано с историей твоей семьи и всей страны, с культурой, в которой ты вырос. Именно из этого и складывается ощущение: «Я — часть своего народа».

Замечательно, что автор об этом говорит.

Ольга ЕФИМОВА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 100 экз.

Сдано в набор 04.05.2026
Подписано в печать 20.05.2026